

ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ

Издательство „Правда“. 1948 г.

12

На уроке русского языка.

Фото А. Устинова.

Лучший подарок съезду

С Новым годом, дорогие ребята! Ваши родители, старшие братья и сёстры славно поработали в 1948 году, строя новые фабрики и заводы, добываясь высоких урожаев на колхозных полях. С таким же упорством они будут трудиться и в новом году, чтобы наша Родина стала ещё богаче, ещё могущественнее, и чтобы вы, ребята, были счастливы, могли успешно учиться.

Тот не патриот, кто не стремится, принести пользу для Родины. И, конечно, каждый из вас тоже хочет быть полезным своей стране. Но по-настоящему полезным может быть тот, кто грамотен, культурен, много знает. Ведь только люди, вооружённые знаниями, могут строить заводы и управлять сложными машинами, разведывать залежи полезных ископаемых, перерабатывать природу на благо человечеству.

Так пусть же новый, 1949 год будет для вас годом новых успехов в учёбе и годом новых славных пионерских дел.

Пусть каждый день сорок девятого года — будь то в период школьной учёбы или в каникулы — не пропадёт для вас даром. Черпайте знания всюду: на уроках за партой, дома из учебников, из художественной литературы, в краеведческих походах и на пришкольных юннатских участках.

В наступающем 1949 году произойдёт большое, радостное событие в жизни советской молодёжи: состоится XI съезд Ленинско-Сталинского комсомола.

Из всех республик, краёв, областей нашей необъятной Родины съедутся в Москву делегаты съезда — представители многомиллионного комсомола.

Они соберутся на этот съезд, чтобы отчитаться перед партией, перед Сталиным в той огромной работе, которую проделал комсомол в нашей стране под руководством партии большевиков.

Новыми достижениями в учёбе и в труде встречают съезд комсомольцы. И вы, пионеры, должны приготовить съезду достойный подарок.

Лучшим подарком школьников будут большие успехи в учёбе.

Подготовьте же эти подарки!

С Новым годом, ребята!

С новыми успехами!

Всесоюзному Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодёжи

Центральный Комитет ВКП(б) шлёт свой привет Всесоюзному Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодёжи в день его 30-летия.

За тридцать лет существования Коммунистический Союз Молодёжи прошёл славный путь борьбы и побед. Под руководством большевистской партии Ленинский Комсомол вырос и воспитал ещё в период после первой мировой войны миллионы активных строителей социализма, верных сынов и дочерей советского народа.

В годы мирного строительства, в период сталинских пятилеток, комсомольцы и комсомолки, движимые советским патриотизмом, прославили себя вдохновенным трудом на благо нашей Родины.

В период Великой Отечественной войны комсомольцы и комсомолки на фронте и в тылу, в армии, во флоте и авиации показали примеры мужественной борьбы за честь, свободу и независимость нашей Родины. Их имена вписаны в летопись героической борьбы советского народа и его вооружённых сил против фашистских варваров.

В послевоенные годы — на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, в МТС и на стройках, в научно-исследовательских институтах и учреждениях — всюду Комсомол деятельно участвует во всенародной борьбе за дальнейший подъём хозяйства и культуры нашей страны. Учащаяся молодёжь — школьники, ученики ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО, студенты вузов и техникумов неустанно овладевают знаниями, готовясь стать в ряды строителей коммунизма.

Самоотверженным служением Родине и своей преданностью партии Ленина — Сталина Комсомол завоевал уважение и любовь всего нашего народа. Комсомол добился замечательных успехов благодаря тому, что всегда был верным помощником большевистской партии и воспитывал передовых людей молодого поколения в духе ленинизма.

Центральный Комитет ВКП(б) желает Ленинскому Комсомолу в день его 30-летия новых успехов в благородном деле воспитания молодёжи в духе преданности и любви к нашей советской Родине.

Центральный Комитет ВКП(б) выражает уверенность в том, что Ленинский Комсомол и впредь будет с честью выполнять свой долг перед Родиной и вписать новые славные страницы в историю коммунистического движения молодёжи.

Да здравствует Ленинский Комсомол!

Да здравствует наша славная советская молодёжь!

Да здравствует наш вождь и учитель молодёжи — товарищ Сталин!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков)

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР О НАГРАЖДЕНИИ ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

За выдающиеся заслуги перед Родиной в деле коммунистического воспитания советской молодёжи и активное участие в социалистическом строительстве, в свя-

зи с 30-летием со дня основания ВЛКСМ, наградить Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ШВЕРНИК.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 28 октября 1948 г.

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СССР

О награждении Московской
городской организации ВЛКСМ
орденом Красного Знамени

За героизм, проявленный в годы Великой Отечественной войны, и активное участие в социалистическом строительстве, в связи с 30-летием со дня основания ВЛКСМ, наградить Московскую городскую организацию ВЛКСМ орденом Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного
Совета СССР Н. ШВЕРНИК.

Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 28 октября 1948 г.

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СССР

О награждении Ленинградской
городской организации ВЛКСМ
орденом Красного Знамени

За героизм, проявленный в годы Великой Отечественной войны, и активное участие в социалистическом строительстве, в связи с 30-летием со дня основания ВЛКСМ, наградить Ленинградскую городскую организацию ВЛКСМ орденом Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного
Совета СССР Н. ШВЕРНИК.

Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 28 октября 1948 г.

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СССР

О награждении Сталинградской
городской организации ВЛКСМ
орденом Красного Знамени

За героизм, проявленный в годы Великой Отечественной войны, и активное участие в социали-

стическом строительстве, в связи с 30-летием со дня основания ВЛКСМ, наградить Сталинградскую городскую организацию ВЛКСМ орденом Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного
Совета СССР Н. ШВЕРНИК.

Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 28 октября 1948 г.

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СССР

О награждении Севастопольской
городской организации ВЛКСМ
орденом Красного Знамени

За героизм, проявленный в годы Великой Отечественной войны, и активное участие в социалистическом строительстве, в связи с 30-летием со дня основания ВЛКСМ, наградить Севастопольскую городскую организацию ВЛКСМ орденом Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного
Совета СССР Н. ШВЕРНИК.

Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 28 октября 1948 г.

У К А З
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СССР

О награждении Одесской
городской организации ЛКСМ Украины
орденом Красного Знамени

За героизм, проявленный в годы Великой Отечественной войны, и активное участие в социалистическом строительстве, в связи с 30-летием со дня основания ВЛКСМ, наградить Одесскую городскую организацию ЛКСМ Украины орденом Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного
Совета СССР Н. ШВЕРНИК.

Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 28 октября 1948 г.

КУСОК ПИРОГА

Иван Багмут

Рис. Н. Обрыньбы

Мне сорок шесть лет. Много ёлок повидал я на своём веку. И вот сейчас, прислушиваясь, как моя маленькая внучка лепечет о ёлочных игрушках, я вспомнил одно рождество.

Было мне тогда лет шесть—семь. Я был высок ростом и казался старше. Товарищи завидовали мне, но меня это не радовало.

— Ты уже большой! — говорила мать и приказывала качать маленькую сестрёнку.

— Такой детина, а в песочек играет! — укоризненно замечал отец и посылал меня на огород копать картошку.

Странно, играя в песке, я мог часами воображать, что поляю, окуchnваю и копаю картошку. Это мне никогда не надоедало. Но стоило хоть немного поработать на огороде, как сразу начинала болеть спина. И переставала, только когда попадалась большая картофелина с шишкой. Я тыкал в неё четыре палочки, и она пре-

вращалась в лошадь. Потом из другой картошки, поменьше, я делал жеребёнка и ржал, гарцовал, топал, тпрукал и возился в мягкой земле до тех пор, пока мама не звала меня домой.

Как-то зимой я сидел на печи и воображал себя пароходом: гудел и катался взад-вперёд по горячему просу, рассыпанному для просушки. Нет ничего лучше проса на печи. — разве только льняное семя: оно такое гладенькое и скользкое. Можно зарыться в него по шею, насыпать за пазуху, набрать полный рукав или просто пересыпать с руки на руку.

— Поди-ка сюда, Миколка! — позвала мама.

«Опять Ньюрку качать», — подумал я и, насупившись, слез с печи.

Мама погладила меня по голове, и из волос на пол посыпалось просо.

«Ну и будет же мне сейчас!» — подумал я. Но мама не обратила никакого внимания на мои волосы.

— Сегодня мы, сыночек, пойдём в гости.

— У меня сапог нет, — сказал я.

— Отцовские обуешь, я тебе портянки намотаю...

— Отцовы сапоги! Отцовы сапоги! — запел я, прыгая на одной ноге по комнате.

Сапоги у отца были с блестящими голенищами, а на переду красовались совсем новые латки. Я ни разу не надевал их, а когда выходил на улицу, влезал в мамины чуваки.

— Пойдём сейчас в гости, — попросил я. — Пусть Микита и Сергей увидят меня в отцовских сапогах.

— Нет, — ответила мама, — мы пойдём вечером. А теперь ты лучше послушай, что я тебе скажу: мы пойдём к тётке Килине на ёлку. Только, гляди, не осрами меня там.

— А как это «осрамить»?

— Тётка богатая, а мы бедные. У них лавка своя, а отец твой в батраках целое лето спину гнёт. Ты картошку без масла ешь, а у них мясо каждый день. Но пусть тётка не подумает, что мы перед ними заискиваем. Мы хоть и бедные, а богатым не поклонимся.

Я не очень понимал, что говорила мать, но слушал внимательно.

— Когда на стол поставят что-нибудь вкусное, ты не наживайся, словно не ел три дня. Тётка будет угощать: «Бери, Микола, мясца», — а ты отвечай: «Спа-

сибо, тётя, я не голоден». Она скажет: «Да бери, не стесняйся», — а ты ей опять: «Я не стесняюсь, тётечка, мне просто не хочется». А как она сама положит тебе кусочек, ты ешь. Да не спеши!.. Всего не додай, оставь немного на тарелке.

— Как это немного? — спросил я. — Сколько же?

— Ну сколько-сколько, — рассердилась мама, — да хоть с напёрсток!

— А борщ?

— Вот глупенький! С ложку оставь. «Ага, — думаю, — мяса с напёрсток, а борща с ложку».

— Когда съешь всё, что положили, тётка скажет: «Возьми ещё кусочек», — ты не бери — отвечай: «Спасибо, тётечка, не могу больше, никак не могу». А подадут ещё пирожки или другое что, тоже сам не хватай, жди пока положат. Съешь — и больше не проси. Вытерпишь всё это?

У меня даже слюнки потекли при упоминании о мясе и пирогах, но я согласился:

— Вытерплю, — говорю, — а пирога тоже с напёрсток оставить?

Мать улыбнулась:

— Да ешь уж весь.

— А тато разве не пойдёт в гости?

— Нет, отец не пойдёт, — говорит мама.

— Почему не пойдёт? Что ж он, пирогов не хочет?

— Хочет или не хочет, — это дело не твоё. Тётка и её муж — лавочники. Они людей обманывают. А твой отец честный. В прошлом году он их при народе обдирали назвал и теперь не хочет идти в гости к богатеям. Он не из таких, чтобы кланяться. И я не пошла бы, да беда гонит. Крупа у нас скоро кончится, — где занять? Только у Килины. А не пойдёшь сегодня в гости — скажет, загордились — и ничего не даст.

«Ну и хорошо, — думаю себе, — а то что бы я надел, если б отец не остался дома?»

Дождались вечера. Мать обмотала мне ноги полотном и натянула сапоги.

— Не всякий ходит в таких сапогах, — говорю я с гордостью и, важно ступая, прохожу по всей комнате, поглядывая на отца, который лежит на кровати.

— Да, не всякий, — глухо отвечает отец и отворачивается лицом к стене.

— Петрик лопнет от зависти, когда увидит меня в этих сапогах. Они хоть и богатые, а мы зато в сапогах!

Отец молчал, а мама жалостливо поглядывала на меня, потом схватила на руки, поцеловала и говорит:

— Пойдём, пойдём, а то уж поздно.

Она повязала мне голову большим платком, и мы вышли. Соседский Микита увидел меня в сапогах и от зависти стал смеяться:

— Вот так пугало! И зачем ты два сапога надел? Ты бы и в один влез!

Я смотрю на него, а сам слушаю, как сапоги по снегу: скрип-скрип!

— Пугало! — кричит Микита. — Отцовы сапоги надел! Эге-ге-ге!

А я глянул на него спокойненько и сказал:

— Слушай!.. Скрип-скрип! Слушай! Скрип-скрип... скрип...

Он перестал смеяться и начал тихо повторять за мной:

— Скрип-скрип... скрип...

А это всего лишь снег под сапогами скрипел. Глупый Микита всё глядел вслед, пока мы с мамой не свернули на другую улицу.

Как только мы вошли к тётке, все сразу устали на мои сапоги. А тётка, худая, чёрная, глаза злые, посмотрела на меня, покачала головой и говорит:

— Ах, ты бедняга!

— Вот так бедняга! — смеюсь я. — В таких сапогах, со скрипом!

— Иди, поиграй с Петриком. Иди, — быстро проговорила мама и подтолкнула меня к дверям в другую комнату.

Там посредине комнаты стояла ёлка!

Петрик подошёл ко мне, померялся, кто выше, потом отошёл, окинул меня взглядом и, выпятив губу, сказал:

— Ну и что ж. Ты хоть и выше, зато я толще.

Я рассмеялся.

— Да я, если захочу, за две недели растустану. Вот у Филиппа-мельника боров был совсем худой. А как покормили его две недели картошкой, толще тебя стал. Надо только побольше картошки есть.

Петрику и сказать нечего. Он подошёл к ёлке и стал рассматривать игрушки. А на ёлке золотые и серебряные орехи, пряничные кони, медведи, зайцы. А свечки! Красные, жёлтые, синие, зелёные!.. И все горят, даже в глазах рябит от блеска.

Петрик посмотрел на меня и спрашивает:

— Хороша ёлка?

Я пожал плечами и говорю:

— У нас дома лучше.

— У вас? Елка? — переспросил он и захохотал так противно, что захотелось ударить его; но мама велела быть вежливым.

— Мне отец вот какую книжку купил! — и я показал руками, какая большая у нас книжка. — Посмотрел бы ты, что там за ёлка нарисована. На ней пароход висит. А у вас где пароход? Ну-ка, покажи, где пароход?

Петрик скривился и процедил сквозь зубы:

— Книжки покупают, а сами картошкой давятся.

А я рассердился и ответил:

— Мы хоть и бедные, да богатеям не кланяемся! Захотим — книжки покупаем, захотим — картошку едим. Что за-

хотим, то и делаем! — и я показал ему язык.

Он тоже показал язык. Я только было замахнулся на него кулаком, а из столовой тётка зовёт:

— Идите ужинать!

Меня посадили рядом с Петриком, а маму — по другую сторону стола. Я сижу и вспоминаю: «Борща — ложку, мяса — с напёрсток, а пирожок — можно весь». А из кухни так пахнет, что у меня в животе всё переворачивается.

И вдруг принесли не борщ, а лапшу. Я смотрю на маму и не знаю: оставлять или нет. О лапше-то ведь ничего не говорили. Если б я с мамой рядом сидел, — спросил бы, а так неловко.

— Налить тебе еще, Миколка! — говорит тётка.

— Спасибо, — отвечаю, — тётя. Я уже наелся.

Потом подали поросёнка жареного. Я съел немножко, как мама велела. А Петрик уплетает, словно три дня не ел.

— Ты, Миколка, не стесняйся, бери ещё. — угощает тётка.

— Спасибо, тётя, я не голодный, — а у самого слюнки так и текут.

А мама посматривает на меня, улыбаётся.

Наконец подали пирог. Я такого и не видел никогда: сладкий, с вареньем, — прямо тает во рту. Я даже не заметил, как съел свой кусок, а на столе ещё половина пирога.

— Бери пирога, Миколка, бери, — говорит тётка, но нет того, чтоб самой положить.

А мама смотрит на меня грустно, грустно.

«Ну, — думаю, — не осрамлю маму». И отвечаю:

— Спасибо, тётя. Мне что-то не хочется.

— Да возьми ещё кусочек! Он же так и тает во рту.

— Спасибо, тётя, я никак не могу.

Тётка к другим гостям повернулась, а я всё от пирога глаз не отведу. Петрик уже чепвёртый кусок уминает. Чавкает, как поросёнок. Чтоб не соблазниться, я стал глядеть под стол, там кошка мурлыкала. Смотрю я на кошку, а о пироге забыть не могу. Кошка положила мне на колени лапки и мяучит, словно тоже хочет пирога. Я опять на стол посмотрел. Хоть бы поскорее доели этот пирог! Так нет, — все уже наелись, а на блюде ещё три больших куска. И так близко от меня! «Тётка же предлагала взять ещё, — думаю я. — Раз предлагала, почему не взять? Чтоб мама не сердилась, я половину съем, а половину на тарелке оставлю!» Мама в это время повернулась к соседке и так была занята разговором, что на меня не смотрела. «Возьму», — решил я и протянул руку к пирогу. Глядь, а мама на меня смотрит. У меня на сердце похолодело. Но рука уже протянута, и назад её незаметно не отдернешь. Мне сразу расхотелось есть. В эту минуту я отдал бы и пирог, и поросёнка, и ёлку, только бы рука моя лежала на колене, а не была протянута к пирогу.

Осрамил! Осрамил маму!

Теперь я понял, что такое стыд. Но что

было делать? Отдернуть руку — осрамиться ещё больше?

Тётка взглянула на меня, улыбнулась насмешливо и говорит сладким голосом:

— Да ты просто боишься, а я думала и вправду не голоден. Бери, бери, не бойся, — и презрительно так посмотрела на маму.

Мама покраснела и опустила глаза.

Тогда я сказал:

— Да я не себе. Я таких пирогов не люблю. Это я кошке хотел дать, а то она голодная. Можно, тётя, дать кошке?

Лицо у тётки сразу изменилось, и она перестала улыбаться.

— Ну и дурак, — сказала она сердито. — Разве кошки сладкое едят?

— Наша кошка ест, — говорю. — Так я дам?

Мама повеселела.

— Миколка, — укоризненно сказала она. — Разве можно такой пирог на кошку переводить?

Все за столом замолчали, а тётка даже побледнела от злости.

Тогда Петрик протянул руку, схватил кусок пирога и дал кошке, а она стала есть.

— Ест! — крикнул Петрик. — Смотрите, кошка сладкое ест!

— У нас не только кошки — и котят едят, — говорю я презрительно. — Только косточки из варенья надо вынимать, чтоб не подавились.

А на самом деле у нас и варенья-то никогда не было!

Все, кто сидел за столом, поверили, что я и вправду кормлю нашу кошку сладким. Я посмотрел на маму. Она глядела на меня грустными и вместе ласковыми глазами. И вдруг слёзы у неё кап-кап...

Когда мы, собравшись домой, вышли в сени, я услышал, как тётка сказала:

— Такой же разбойник растёт, как его отец. Не миновать ему тюрьмы.

Дома я спросил у отца:

— Правда, что тех, кто кормит кошек сладким пирогом, в тюрьму сажают?

— А что? — засмеялся отец.

Мама рассказала всё, и тогда отец схватил меня на руки, прижал к груди и стал целовать.

— Молодец, сынок. Не меняй свою гордость на сладкий пирог. Потерпи, будет и на нашей улице праздник.

РАЗНЫЕ ГОЛОСА

Из поэзии братских и дружественных народов

Рис. А. Брея

I

Из стихов Мирдзы Кемпе

(С латышского)

Латышские поэты в детском саду украинского колхоза

В огне заходит солнце
За яблоневый сад.
У белого крылечка
Стоят ряды ребят.

А высоко над ними
Подсолнух держит знамя,
И машет кукуруза
Зелёными жезлами.

И сотни солнц, склоняясь,
Глядят из-за оград,
Когда нам «добрый вечер»
Ребята говорят.

Белеют в тихом доме
Открытые постели.
Идём среди кроваток
И светлых колыбелей.

Игрушечные стулья
Стоят у белых стен.
И стол, для нас накрытый,
Нам только до колен.

Нам яблоки приносят,
Румянцем налитые,
И спелой кукурузы
Початки золотые.

Мы будто бы играем
В чудесную игру:
Сидим, как великаны
У эльфов на пиру.

Всё то, что перед нами
Разложено на блюде,
Взрастили и собрали
Страны Советской люди.

Большой семье колхозной
Спасибо за труды,
За спелые колосья,
Тяжёлые плоды.

Отцам, вспахавшим землю,
Должны мы поклониться
И матерям, связавшим
В полях снопы пшеницы.

А вам, друзья-ребята,
На языке своём
О спящих медведях
Мы песенку споём.

Для вас шумят деревья,
Звенят колосья нивы.
Растёте вы для жизни
Отважной и счастливой!

Из стихов Саломеи Нерис

(С литовского)

Малой (прусской) Литве, освобождённой советскими войсками

Белые пески тебя заносят.
Ты у моря дремлешь дни и годы.
Прорастали травы сотни вёсен,
Но ждала тепла трава свободы.

Недруг отнял твой сундук с приданым —
С песнями узорными твоими,
С полотном старинным домотканым,—
И твоё стереть хотел он имя.

Но летает чайка голубая
Над простором Балтики холодной,
Эхо песен наших повторяя,
Отзвук речи, гордой и свободной.

Покидают города, деревни
И бегут тевтоны-душегубы.
— Кто их гонит! Бог Перкунас древний!
Гневные грюневальдовские трубы!

Пусть враги забудут путь широкий,
Старый шлях от запада к востоку.
Десять братьев едут к нам с востоку
Вырвать литовскую свободу.

Братья пробиваются к побережью.
Балтика навстречу катит воды.
Завивает гривы ветер свежий.
Это ветер моря и свободы!

Из стихов Исаака Фефера

(С еврейского)

1. Кони на водопое

Весь в слезах вернулся мальчик
Ранним вечером домой.
— Поскорей! — зовёт он маму.—
Поскорей иди за мной!

За воротами я видел
Над рекой табун коней.
Кони шумно тянут воду,
Да и солнце вместе с ней.

Нам от солнышка остался
Только краешек один!
— Ты не плачь, мой милый мальчик,
Ты не плачь, мой глупый сын.

Сколько свет стоит, мой мальчик,
Коль к воде находит путь,
Но до солнца длинной шем
Он не может дотянуть! —

Солнце село за рекою.
Почернел небесный свод.
С громким ржаньем воронные
Переходят речку вброд.

Мальчик с берега крутого
Весь в слезах бежит домой.
— Поскорей! — зовёт он маму.—
Поскорей иди за мной!

Солнца в небе не осталось.
Не найдёшь его нигде.
Кони с гривами густыми
Шумно ходят по воде.

Кони выпьют нашу речку
С облаками и луной
И проглотят наши звёзды,
Не оставят ни одной!

— Ты не плачь, мой глупый мальчик,
Много-много тысяч лет
Коль с водой глотает звёзды,
Но не гаснет звёздный свет.

Звёзды светят, как светили,
Золотым своим огнём,
А река рекой осталась,
Светом — свет
И конь — конём!

2. Дружба

Тот, кто с товарищем дружен,
Вдвое умней и сильней.
Пусть нам примером послужит
Дружба ветвей и корней!

3. Правда и ложь

В той стране, где кошельком
Мерят всё на свете,
Правда ходит босиком,
Ложь летит в карете.

Ложь всегда опередит
Истину немножко.
Но не бойтесь: победит
Правда-босоножка!

IV

О храброй старухе и трусливом шакале

(Узбекская народная сказка)

Горько плакала старуха: — Ай, шакал, шакал!
Сколько ты пера и пуха в год перетаскал!
Мясом птиц набил ты брюхо — вот и жирным стал.
Нет житья от проклятых шакалов!

По ночам ты ходишь, бродишь, не даёшь мне спать.
Знаешь ты, где спят цыплята, подползёшь — и хвать!
А назавтра, чуть стемнеет, явишься опять.
Нет житья от проклятых шакалов!

Я тебя бы застрелила — плохо вижу я.
Я бы зятя попросила — крепко спят зятя.
У собак моих не стало прежнего чутья.
Нет житья от проклятых шакалов!

Я цыплят подальше спрячу — ты их не найдёшь.
А найдёшь — отдашь мне шкуру за ночной грабёж.
Подниму я всю деревню, если ты придёшь.
Нет житья от проклятых шакалов!

Горько плакала старуха: — Ай, шакал шакал!
А шакал слова старухи хорошо слышал.
И на все её упрёки так он отвечал:
— Нет ума у сварливой старухи!

Слушай, древняя старуха: ты не спорь со мной.
Ты домашняя жилица, я шакал степной.
У тебя я не оставлю птицы ни одной.
Нет ума у сварливой старухи!

Пусть я стар, но от погони ноги унесу.
Не догнать меня ни пуле, ни лихому псу.
Воют старые шакалы в молодом лесу...
Нет ума у сварливой старухи!

Говорит в ответ старуха: — Не хвались, шакал!
Ты охотников, как видно, наших не видал.
Бьют охотники шакалов пулей наповал.
Нет житья от проклятых шакалов!

Отвечал шакал старухе: — Скучно слушать мне!
Положи конец, старуха, глупой болтовне.
Всех овец передушу я у тебя к весне.
Нет ума у сварливой старухи!

Я шакал поджарый, старый, царь ночных степей.
Ты перечить мне, старуха древняя, не смей!
В жертву мне отдашь ты сына дочери своей! —
Так шакал отвечает старухе.

Говорит ему старуха: — Видишь, я встаю.
На тебя я всю деревню подыму свою.
Перебьём мы всю шакалью жадную семью.
Нет житья от проклятых шакалов!

Так и сделала старуха. Села на осла
И охотников окрестных лучших созвала.
Ночью в степь они помчались, чуть луна взошла.
Нет житья от проклятых шакалов!

На зелёную опушку рощи молодой
Повела народ старуха ночью за собой.
— Мы пришли! — она сказала. — Выходи на бой!
Нет житья от проклятых шакалов!

Но шакал на бой не вышел. Ай, шакал, шакал!
Он, услышав громкий топот, зайцем поскакал.
Но его последний выстрел на бегу догнал...
Честь и слава бесстрашной старухе!

У

Из Юлиана Тувима

(С польского)

Стол

Выросло дерево в нашем Полесье,
Статное, рослое — до поднебесья.

Хлопцам пришлось поработать немало,
Прежде чем дерево наземь упало.

Добрые кони в пене и в мыле
На лесопилку его притащили.

Пилы его расплили на доски,
Зубья погнули о ствол его жёсткий.

Доски и планки были шершавы.
Взял их в работу столяр из Варшавы.

Опытный мастер Адам Вишневский
Ладит рубанки, свёрла, стамески.

Долго строгал он, клеил, буравил,
Прежде чем славный стол этот справил

Вот сколько нужно трудного дела,
Чтоб за столом ваша милость сидела!

ИЗ ЖИЗНИ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

Отрывки из книги

Н. Венгров, М. Эфрос

Подвига

Это была длинная, узкая комната. Окно её выходило в тихий переулочек Арбата. Из-за напех сделанной дощатой перегородки, делившей комнату пополам, непрерывно доносились стук пишущей машинки. На ней писала жена бывшего фабриканта, владельца комнаты, в которую вселился Островских.

Если бы не это, в утренние часы в комнате бывало совсем тихо. Раиса Порфирьевна, подготовив для мужа всё необходимое на день, запирала двери и уходила на консервную фабрику к семи часам утра. Возвращалась она поздно вечером. Она была ударницей, занималась общественной работой и после длинного рабочего дня приходила домой утомлённая. Но нужно было ещё варить обед, хотелось поговорить с мужем, рассказать о своей работе, посоветоваться.

Поздно ночью она помогала Островскому писать. Николай диктовал, а Раиса Порфирьевна, полузасыпая от усталости, старательно записывала его слова. Когда осенью приехала мать Николая, Раисе Порфирьевне стало легче.

Помогала писать Николаю и его сестра Екатерина Алексеевна, которая тоже приехала в Москву. Но всё это делалось не тогда, когда Николай Алексеевич хотел работать, а урывками, когда другие могли ему помочь, когда в комнате хоть немного затихало. По ночам, когда гасили свет, он работал сам.

С вечера Раиса Порфирьевна вкладывала ему в папку транспаранта двадцать пять-тридцать листов чистой бумаги и плотно завязывала её. Очистившие карандаши и эту папку укладывали на чуть приподнятые колени Островского, чтобы он, не меняя положения тела, мог пи-

сать по прорезям транспаранта. Не поворачивая головы, не отрывая от папки карандаша, чтобы строки не наполнили одна на другую, он исписывал страницу до конца, вытаскивал её левой рукой снизу из папки, и она, шурша по одеялу, сползала на пол.

Часто по утрам, подбирая эти исписанные листки, Раиса Порфирьевна замечала, что его губы иссушены в кровь, и поднималась с пола расщеплённый в ярости карандаш.

Стояла зима 1930 года.

Обёрнутый до пояса байковым одеялом, в тёплой кофте, Николай Алексеевич лежал на высокой подушке. В комнату тихо вошла стройная голубоглазая девушка лет шестнадцати. Это была соседка по квартире Галя Алексеева. Брат её Александр был секретарём Фрунзенского райкома комсомола. Как-то в кухне Ольга Осиповна передала Гале записку от Николая Алексеевича. Он просил её зайти.

Островский, улыбаясь, протянул Гале руку и сказал:

— Я решил, товарищ Галя, написать книгу для нашей советской молодёжи о том, как закалялась в боях, как зарождался комсомол на Украине. Сейчас я инвалид, но я хочу и могу работать. Моё тело неподвижно, глаза потухли, руки потеряли силу. Но, черт возьми, мой мозг здоров на все сто процентов. Итак, Галочка, вы мне поможете? Предупреждаю: книга будет большая, работы по горло...

Он говорил так приветливо и доверчиво, как будто уже давно знал Галю. А она растерянно смотрела на его измождённое лицо, только теперь поняв, что он слеп и совершенно не может двигаться. Она молчала.

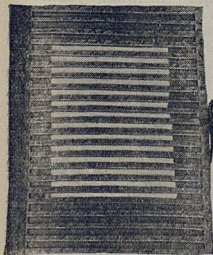
— Если вас не пугают эти трудности, то давайте начнём сегодня же. Не думайте только, что я сумасшедший,— прибавил он, улыбаясь.— Некоторые думают, что я начал бесплодное дело. Это неверно. Это чушь! Просто я чертовски настойчивый парень.

Около кровати стоял столик. На нём лежала стопка исписанных листков.

Галя стала перебирать эти листки. Они были написаны разными почерками; некоторые — карандашом, мелкими, неразборчивыми и волнистыми буквами с большими промежутками между строк. Слова иногда напозлали друг на друга.

— Это я сам писал,— сказал Николай Алексеевич, уловив обострённым чутьём слепого её внимание именно к этим листкам.— По транспаранту. Это у меня такая штука из картона. Лежит на столе.

Галя перевела глаза на толстую картонную

По этому транспаранту писал Островский.

папку, на верхнем листе которой были сделаны широкие прорезы для письма.

— Я уже написал несколько глав,— сказал он,— мне помогают жена и сестра. Но они работают, им некогда. А по ночам, когда всё утихает, я сам пишу. Всё равно не могу спать. Голова болит.

Галя работала счетоводом в клубе. Ей нужно было приходиться на работу к двум часам дня, и утро у неё было свободно. Она решила отдать это время работе с Островским.

Галя села за столик, и началось с того, что она прочла Николаю Алексеевичу вслух уже написанные первые главы книги. Он начал диктовать новую главу. Диктовал он быстро, уверенно, почти не подыскивая слов. Казалось, он читает стоящие перед глазами строки.

С каждым днём Галя всё больше убеждалась, что Николай Алексеевич уже давно, может быть, в течение нескольких лет, обдумывал книгу, видел её героев, как живых, знал, о чём они думают и как дальше сложится их жизнь. Да и сам Островский под большим секретом рассказал ей, что в книге будет написано всё то, что он видел и пережил.

— Но ты не думай, Галочка, что это моя биография. Моя жизнь такая же, как у всех тех, кто участвовал в гражданской войне. Я и назову моё «дитя» повестью.

Они работали каждый день с десяти часов утра. И книга стала быстро продвигаться вперёд.

Кроме родных, только Галя знала, чего стоила Николаю Алексеевичу его работа. Он должен был постоянно держать в памяти весь план своей книги, план каждой главы, продуманный до самой маленькой подробности, от строки до строки. Он не только помнил каждую сцену, но и каждое слово героев. Заучивая наизусть их речь, подыскивая для неё наиболее выразительные слова, он часто произносил их вслух. Казалось, он разговаривает сам с собой.

Дни ожидания

За несколько дней до окончания работы над первой частью романа Николай Алексеевич решил написать свою биографию. Он приложил её к рукописи, когда пошлёт книгу в издательство.

Островский диктовал её Гале Алексеевой. С волнением записывала она последние слова скромного и краткого жизнеописания своего друга: «Физически потерял почти всё. Остались только непотухающая энергия молодости и страстное желание быть чем-нибудь полезным своей партии, своему классу». В этом месте голос его дрогнул. Он замолк.

— Мама, выйди,— мягко, но настойчиво сказал он.

Галя обернулась. В дверях стояла Ольга Осиповна и беззвучно плакала. Она скрылась за дверь, вслед за ней вышла и Галя.

16 ноября 1931 года, ещё раз проверив на слух каждую строчку, Николай Алексеевич

Николай Островский. 1920 год.

отправил рукопись в Ленинград для передачи в Ленинградское государственное издательство.

Потянулись долгие дни ожидания. Николай Алексеевич нервничал, просил поторопить издательство с ответом.

Видя, как изводит его ожиданием, друг Николая Алексеевича Иннокентий Павлович Феденев, старый большевик, взял копию рукописи, чтобы прочесть своим друзьям и услышать их отзыв. Он подробно рассказывал Николаю, как хвалит рукопись, не скрывая от него и те недостатки, которые были отмечены. Сам Феденев был убеждён, что книга будет принята к печати.

Галя попрежнему приходила каждый день. — Ну, Галочка,— говорил Николай,— если книга будет принята, мы устроим вечер итогов и побед. Ты выпьешь рюмку вина, а я стакан сельтерской воды. А что если весь мой труд лежит уже в мусорной корзине и, значит, я больше не могу быть полезным? — тревожно спрашивал он.

Галя сердилась. Почему в мусорной корзине? Рукопись написана вовсе не для этого. Николай горячо продолжал:

— Если от меня потребуют исправлений или даже больших переделок, я переделаю повесть ещё раз, опять и опять, но своего я добыю. Пусть это будет через пять лет, через десять, но знамя моей новой жизни всё равно заполощет!

А ответ из Ленинграда всё не приходил. Ничего не говоря Николаю, Иннокентий Павлович всё же рукопись в издательство «Молодая гвардия».

Он несколько раз напоминал о ней редак-

тору и через некоторое время получил от него рукопись обратно.

— Непригодна к печати,— небрежно сказал ему молодой редактор.

Стояли лютые февральские морозы, и в редакции журнала «Молодая гвардия», которая была расположена в одном здании с издательством, почти не заглядывали посетители.

Марк Колосов, заместитель главного редактора журнала, удивился, увидев в дверях своего кабинета пожилого человека в шубе, валенках и меховой шапке. Это был Инноcentий Павлович Федин.

Тяжёлой походкой подошёл он к столу, прислонил к стулу свою папку и, сердито глядя на Колосова, стал ему всё рассказывать по порядку. С возмущением он уверял его, что в издательстве даже не потрудились прочитать рукопись до конца. Он долго рассказывал Колосову о Николае Островском, о том огромном впечатлении, которое с первого же раза, ещё в санатории, где они познакомились, произвёл на него этот юноша своим мужественным характером, своей необычайной волей коммуниста.

— Если эта рукопись плоха,— сказал Федин,— то Островский перенесёт и этот удар. Я не тороплю вас с чтением. Прошу только, чтобы отзыв был прямой и справедливый. Вот и всё.

Он ушёл и оставил на столе папку. На ней было написано: Н. Островский «Как закалялась сталь».

Марк Колосов открыл папку, перелистал несколько страниц. Искренний, живой рассказ так захватил редактора, что, не отрываясь, он прочёл рукопись в тот же день.

Ночью Колосов позвонил по телефону писательнице Анне Александровне Караваевой: она была ответственным редактором журнала «Молодая гвардия».

— Какую свежую вещь принесли, Анна Александровна! Может быть, ещё успеем дать её в мартовский номер.

* Стремительный конвейер *

Уже с ранней весны на нарядных улицах Сочи становится людно. Круглый год работают санатории и дома отдыха в этой зелёной приморской здравнице Советского Союза.

Ещё недавно маленький домик на Ореховой, где поселился Островский, знали только сочинские комсомольцы да немногие знакомые Николая Алексеевича. Но всё новыми изданиями выходила «Как закалялась сталь» — и о домике, в котором жил Николай Островский, узнавало всё больше и больше людей. Читатели стремились всё узнать об авторе замечательной книги, увидеть его собственными глазами, побеседовать с ним.

Они шли группами и в одиночку. Это были комсомольцы и заслуженные бойцы гражданской войны, стахановцы, научные работники, девушки-парашютистки, делегации пионеров из лагерей и детских санаториев — «стремительный людской конвейер», как говорил Николай Алексеевич.

Островский ещё мог заставить себя прекратить на время работу, но отказывался от встреч с новыми людьми он не мог. Молодой писатель жадно слушал всё, что рассказывали эти люди, — и перед ним вставала яркая и многоцветная жизнь нашей страны. То была живая жизнь. Никакие книги не могли рассказать о ней так, как эти люди. А посетители, уходя из комнаты Островского, навсегда уносили с собой мужественный образ этого настоящего человека.

В один из прохладных августовских дней к Островскому пришёл украинский писатель Натан Рыбак.

По дороге на Ореховую он думал, как много ему надо сказать автору книги, которая вызвала такой горячий отклик в сердцах украинской молодёжи.

Рыбак знал, что Островский тяжело болен, и пригоровился к встрече со слепым, недвижимым человеком. Он вошёл в комнату и увидел длинное тело, до самой груди завернутое в байковое одеяло. Несколько секунд он растерянно вглядывался в бледное лицо с высоким лбом, с запавшими щеками, и различил устремлённые в одну точку глаза. Подавленный, он приблизился к постели.

Комната в Москве на улице Горького, где Н. Островский провёл последние месяцы своей жизни и где теперь помещается Музей.

Рука Островского была горячей и влажной, он не отнимал её, и Рыбаку казалось, что по его руке Островский ощутил смятение гостя.

— Ну вот, и зачем ты волнуешься? Садись, садись. Думал, наверно, что я на коне и размахиваю клинком? — и Николай Алексеевич весело рассмеялся. Он заговорил, как будто отвечая Рыбаку, который всё ещё растерянно молчал.

— Вернёшься в Киев, будут требовать впечатлений от встречи — не пиши. Всё, что нужно, сам напишу. Пока у меня есть силы, я буду писать днём и ночью. Ко мне приезжают комсомольцы — бодрые, радостные, умные. Я себя чувствую в долгу перед ними. Я пишу о прошлом, а надо о них написать — о молодёжи социализма.

Он замолчал и тихо добавил:

— Вот только жить мало осталось, — и, не давая Рыбаку возразить, он грустно усмехнулся и продолжал: — Молчи, молчи! Ведь это так. Только, пока не кончу новый роман, не умру. Пусть уже смерть немного подождёт. Ну, будет об этом.

И он стал расспрашивать гостя о новых книгах, о молодых писателях Украины, о Киеве — о его садах и Днепре. А потом сам стал рассказывать о том Киеве, который он помнил в дни гражданской войны. И Рыбаку почудилось, что перед ним Павел Корчагин, увлечённый и отважный. Не удержавшись, он сказал об этом. Но Островский отрицательно шевельнул рукой:

— Нет, нет! Не совсем это так. Не нравится мне, что во всех критических статьях смешивают меня и героя романа. Это мешает критике правильно оценивать роман.

Долго разговаривали молодые писатели. Затем в комнату вошла Ольга Осиповна и предупредила сына, что к нему пришли моряки.

Это были матросы, служившие ещё на знаменитом броненосце «Потёмкин».

Встреча со старыми героями, участниками восстания, взволновала Островского. Он попросил их рассказать о славном матросе Матюшенко — герое восстания.

— Расскажем, сыну, — по-украински тепло сказал седой моряк; он лично хорошо знал Матюшенко. — Тебе надо рассказать: ты потом напишешь, и молодые знают будут.

13 июня 1905 года на «Потёмкине», который стоял на рейде в Одессе, матросы подняли восстание и, расправившись с ненавистными офицерами, перешли на сторону революции. Когда царь послал против «Потёмкина» военные суда, матросы отказались стрелять в своих товарищей. Несколько дней на «Потёмкине» развевался революционный красный флаг.

В глубокой тишине все слушали простой и суровый рассказ.

В окно заглядывал потемневший кипарис. Сгустились сумерки.

Уже давно наступил вечер, но никому не хотелось уходить. Наконец врач Михаил Карлович Павловский стал делать гостям знаки. Он беспокойно поглядывал на Николая Алексеевича, бледного и взволнованного.

Гости стали прощаться и вышли.

...Первого октября вечером в комнате Островского раздался телефонный звонок. Ека-

Николай Островский выступает по радио.

терина Алексеевна сняла трубку и поднесла её к уху брата.

— Да. Это квартира Островского. Откуда говорят? Из редакции? Слушаю. Так, так... — растерянно повторяя Николай Алексеевич.

В комнате стало настолько тихо, что было слышно, как кто-то в телефонную трубку быстро говорит. Островский на минуту отстранился от неё и тем же растерянным и прерывающимся голосом сказал:

— Мамуся... Из «Сочинской правды» передают, что по радио получено из Москвы известие... Меня наградили орденом Ленина...

Уже с утра на Ореховую торопились друзья. В Сочи все знали о высокой награде.

С первыми словами благодарности Николай Алексеевич обратился к товарищу Сталину. Он не подбирая выражений — слова сами шли из его души. Глухим от волнения голосом он быстро диктовал:

«Дорогой, любимый товарищ Сталин!

Я хочу сказать Вам, вождю и учителю, самому дорогому для меня человеку, эти несколько пламенных, от всего сердца слов. Правительство наградило меня орденом Ленина. Это — высокая награда. Меня воспитал Ленинский комсомол, верный помощник партии, и пока у меня бьётся сердце, до последнего его удара, вся моя жизнь будет отдана большевистскому воспитанию молодого поколения нашей социалистической Родины.

Мне очень больно подумать, что в последних боях с фашизмом я не смогу занять своего места в боевой цепи. Жестокая болезнь сковала меня. Но с тем большей страстью я буду наносить удары врагу другим оружием, которым вооружила меня партия Ленина — Сталина, вырастившая из малограмотного рабочего парня советского писателя».

В эти дни Николай Островский получил телеграмму из Москвы: Московский совет предоставил ему удобную квартиру. Сбывалась и эта мечта писателя — поехать в Москву, получить материалы для своего нового произведения — романа «Рождённые бурей».

★ Незримый делегат ★

Наконец долгожданный день отъезда в Москву наступил.

В составе поезда был специальный вагон. Прославленный железнодорожник Кривонос лично осмотрел состав, потом подошёл к прицепленному паровозу и предупредил машиниста, что поезд необходимо вести с особой осторожностью: в нём едет тяжело больной писатель Островский.

В Москве в вокзала Николая Алексеевича перевезли в отеплённом автомобиле на улицу Горького. Высокие просторные комнаты были прекрасно обставлены; предусмотрено было всё, чтобы писатель мог хорошо работать и отдыхать. Расставили книги в библиотеке, установили чудесный радиоприёмник и телефон. Уже в первый вечер он слушал здесь по радио трансляцию своей любимой оперы «Кармен».

Николай Алексеевич быстро связался с историческими архивами, с Московской областной библиотекой, с научными учреждениями, и новый, 1936 год Островский встретил в напряжённой работе.

В конце 1935 года штаб РККА присвоил Островскому, как военному писателю, звание бригадного комиссара. Николай Алексеевич гордился этой высокой оценкой его работы. Ему присвоили это звание сам народный комиссар обороны товарищ Ворошилов.

Новый воинский билет вложили Николаю Алексеевичу в карман гимнастёрки, которую на него надевали каждый день.

Когда в газете напечатали, что писателю Николаю Островскому присвоили звание бригадного комиссара, одна из его читательниц, комсомолка Аня, написала ему:

«Вы, наверное, единственный бригадный комиссар, который не может сказать, сколько бойцов у него в бригаде. Но вы, наверное, чувствуете сердцем, какая это огромная бригада — ведь это целая комсомолка нашей необъятной страны, да и не только нашей страны».

Аня была права. Никогда ещё Островский не чувствовал с такой силой свою связь с родной комсомолой.

В это время шла подготовка к X Всесоюзному съезду Ленинского комсомола.

Областные и городские конференции молодёжи посылали горячие приветствия своему писателю — «старому комсомольцу». Винницкая областная конференция избрала его своим представителем на X Всесоюзный съезд. Шенетовка, где Николай Островский ещё в 1919 году был одним из первых пяти комсомольцев в городе, избрала его своим делегатом на IX Всеукраинский съезд.

Этот съезд открылся в Киеве в начале апреля. Весь залитый сверкающими огнями большой зал Киевского театра, украшенный знамёнами и лозунгами, был до краёв переполнен молодыми шахтёрами и колхозниками,

трактористами, моряками — смуглыми юношами и девушками.

— Слово предоставляется писателю-орденосцу Николаю Островскому.

Зал притих. У барьеров тёмноокрасных лож сгрудились делегаты и гости, приподнимаясь над передними рядами, чтобы лучше увидеть любимого писателя. Их глаза устремились на трибуну, но на неё никто не взмоё.

Между тем зал наполнился звуками горячего голоса незримого делегата:

— ...Я с большой гордостью и радостью снова вхожу на эту невидимую для меня трибуну. Моё выступление я посвящаю образу молодого человека — девушки и юноши нашей социалистической Родины.

Голос на миг замолк, и волнение, охватившее оратора, передалось его слушателям. Он говорил, а перед их глазами вставали первые комсомольцы, шедшие в рядах будённовской славной Конной армии.

Заполняя собой весь огромный зал, с нарастающей силой звучали твёрдые и мужественные слова:

— ...Мы хотим мира, мы возводим хрустальное здание коммунизма, но было бы предательством забывать о том, что нас окружают злейшие кровавые враги. И если фашизм — эта бешеная собака — бросится на священные рубежи Советского Союза, то вся страна встанет на защиту своих границ и миллионы молодых бойцов станут под ружьё.

Это будет народная война, ибо хозяева будут защищать свою землю от грабителей...

В президиуме, в зале, в переполненных ложах затаили дыхание. А голос торжественно и уверенно звучал:

— ...Мы стали заветной мечтой всех трудящихся мира. Они смотрят на нашу страну, где труд раскрепощён; они смотрят на молодых людей нашей страны, как на пример. У нас перед каждой девушкой и каждым юношей широко раскрыты двери жизни. Они могут добиться вершин знаний, счастья, славы, но ко всему этому ведёт лишь одна дорога — через честный труд, только через труд, ставший делом чести, доблести, славы и героизма...

Каждое слово этой вдохновенной речи отдавалось в молодых сердцах, будило мужество, звало вперёд.

А голос незримого делегата звучал всё сильнее, всё торжественнее:

— Да здравствует великое сегодня и ещё более прекрасное, ещё более замечательное наше завтра!

Да здравствует великая партия большевиков и её мужественнейший из мужественных вождей Иосиф Виссарионович Сталин, воспитавший нас и приведший нас к победам...

Николай Островский окончил свою речь. Микрофон отодвинули от его побледневшего лица. На лбу заблестели крупные капли пота. Буря аплодисментов вырвалась из радиоприёмника и наполнила большую комнату Островского на улице Горького в Москве.

А в Шенетовке, Виннице, Харькове, в Донбассе дога ещё говорили потом на комсомольских собраниях о молодом человеке сталинской эпохи, образ которого нарисовал Островский в своей речи, о мужестве писателя, о его преданности Родине и партии.

Д. Борисов, преподаватель 172-й московской школы.

Рис. В. Константинова

Каждую осень в самом начале учебного года на партах шестиклассников появляются новые учебники и десятки тысяч мальчиков и девочек на обложках чистых тетрадей в первый раз старательно выводят слово «физика».

Если спросить всех этих мальчиков и девочек, чего они ждут от нового предмета, каждый ответит по-своему.

Для одних новый предмет — это новые пятёрки в таблице, новые успехи, новые радости. Другим уже мерещатся новые трудности, новые огорчения. И, вероятно, очень немногие с самого начала понимают, что физика — могучее оружие, которое школа вручает маленьким гражданам Советской страны. Человек, овладевший этим оружием, становится сильнее сказочного богатыря.

Мы живём в бесконечно огромном и сложном мире вещей. Хотим мы этого или не хотим, знаем мы о них или не знаем, эти вещи существуют, они обладают массой, занимают место в пространстве. У каждой из них есть и другие свойства. Одни из этих свойств нам точно известны, других мы пока не знаем, но стараемся узнать.

Все эти вещи, будь то огромная далёкая звезда или самая крошечная пылинка, физика называет телами.

Ни одно из этих бесчисленных тел ни на один момент не остаётся в покое. Тела постоянно движутся, изменяются, нагреваются, остывают, сжимаются, расширяются... Все эти и множество других изменений физика называет явлениями.

В природе явления происходят независимо от наших потребностей и желаний. Но мы можем вмешаться в их ход, можем направить явление по пути, который приведёт к нужному нам результату. Для этого мы изучаем свойства тел и познаём законы явлений — это и есть физика.

Азбука физики начинается со сравнений. Мы говорим: «Это тело больше, это — меньше, это — тяжелее, это — легче». От сравнений физика переходит к измерениям. Измерить — это значит сравнить с известной величиной. Но это не всегда просто сделать. Попробуйте сравнить толщину листа бумаги с сантиметром или хотя бы с миллиметром. Ничего не выйдет, потому что мерка слишком велика, она не подходит к предмету измерения.

Придётся «схитрить». Измерим целую пачку бумаги, скажем, 150 листов. Получится 15 миллиметров. Разделив 15 на 150, получим 0,1 миллиметра.

Вот так, с первых же шагов, математика помогает физике. Если

бы нам дали задание пересчитать доски на лесоскладе, нам бы тоже пришлось «схитрить». Обмерив штабелем целиком и разделив его объём на объём одной доски, мы в пять минут решили бы эту задачу. А вот задача ещё сложнее: нужно измерить объём тела неправильной формы. Тут снова придётся «хитрить»: опускаем тело в жидкость и измеряем не самое тело, а объём жидкости, вытесненной им. Вот, оказывается, какое хитрое дело — измерение тел!

Теперь нам предстоит научиться сравнивать массы тел. Проще говоря, научиться взвешивать их. Первые же опыты взвешивания приводят нас к удивительному открытию: оказывается, что тела, равные по объёму, не обладают одинаковым весом. Заметив это, учёные ввели в азбуку физики новое понятие — удельный вес.

Пользуясь таблицами удельных весов, можно совершать удивительные дела. Если бы, например, нам предложили определить, сколько весит большой каменный дом, мы могли бы решить эту задачу. Измерить объём здания не так уж трудно. А вес дома равен его объёму, умноженному на удельный вес кирпича...

Кому это нужно взвешивать дома? — скажет иной. Оказывается, нужно и это. В нашем большом хозяйстве порой приходится и большое здание передвинуть с места на место. А уж тут непременно придётся взвешивать его, иначе не подсчитаешь ни силу машин, необходимых для передвижки, ни прочность путей.

А думаете, архитектор не «взвешивает» ещё не построенный дом? Непременно взвешивает. Иначе откуда он будет знать, достаточно ли прочен фундамент, не оседет ли под тяжестью постройки земля, не вдавятся ли в грунт опоры здания.

Сделаем опыт: положим на песок две лёгкие квадратные дощечки разной величины, а на дощечки поставим по гирьке одинакового веса. Смотрите: большая дощечка оставила едва заметный след, маленькая — глубоко вдавилась в песок.

Значит, там, где площадь опоры была больше, давление меньше... Это очень важно.

Давление — великая сила. Оно разрушает дерево, камень, металл, даже твёрдый алмаз не выдерживает высокого давления.

Кнопка так легко ходит в дерево потому, что давление пальца сосредоточено на острие кнопки, площадь которого ничтожно мала. А почему режет нож, почему зубило рубит металл? Всё потому же: сосредоточивая силу на маленькой площади опоры, мы создаём огромное давление.

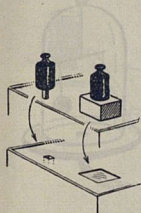
Едва ступив шаг по болоту, вы чувствуете, как нога погружается в трясину. А танк весом в тысячи килограммов легко проходит там, где взлетит пеший боец. Танк много тяжелее бойца, но он опирается на широкие гусеницы, и на каждый квадратный сантиметр почвы приходится во много раз меньше давление.

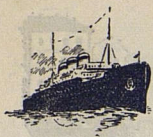
В жидких телах частицы очень слабо связаны, поэтому жидкости не имеют постоянной формы. Они послушно принимают форму заключающего их сосуда. Свободная поверхность жидкости располагается по горизонтальной плоскости. В сосудах, сообщающихся между собой, поверхность жидкости тоже устанавливается в одной горизонтальной плоскости, и это ничем как будто не замечательное свойство широко используется в технике.

Водопровод, обыкновенный чайник с носиком, домерное стекло в паровом котле, фонтан на площади и многие другие устройства и сооружения работают по закону сообщающихся сосудов.

Но, может быть, эти дела покажутся вам слишком скромными?

Ну, а что вы скажете, если вам предложат перенести пароход

весом в четыре тысячи тонн через пятидесятиметровый порог? Вот это действительно подвиг, достойный Геркулеса!

Сходите летом на любой судоходный шляз, посмотрите, как лёгкий движением руки открывает водяные заслонки, и полюбуйтесь, как по закону сообщающихся сосудов вместе с уровнем жидкости в камере шляза поднимаются на высоту многоэтажного дома пароходы и тяжело гружённые баржи.

Положим гирику на чашку весов, другую — подвесим на ниточке. Уравновесим весы и осторожно подведём под гирику стакан так, чтобы гирилка утонула в воде. Погружённая в воду гирилка стала как будто легче. Может быть, она потеряла часть своего веса? Убедитесь — чашки весов сейчас же сравняются. Значит, вес гирилки остался прежним. Вода давит на гирилку со всех сторон, но снизу давление сильнее, чем сверху. Если подсчитать разницу этих давлений, окажется, что на тело, погружённое в жидкость, действует снизу сила, равная весу жидкости, вытесненной погружённым в неё телом.

Этот важный закон носит имя открывшего его учёного Архимеда. Сооружая из стальных балок и листов огромный корабль, инженеры, помня закон Архимеда, придают кораблю такую форму, чтобы корпус его вытеснял побольше воды. И стальной корабль плавает на воде да ещё несёт на себе тяжёлые машины, паровые котлы и тысячи тонн груза.

Газы, как и жидкости, выталкивают снизу вверх погружённое в них тело. В этом легко убедиться. Уравновесим на весах два тела разных объёмов. Потом вместе с весами накроем их стеклянным колпаком и выкачаем из-под колпака воздух.

Пока воздух был под колпаком, он поддерживал, подталкивал вверх оба предмета. Но на долю большего предмета приходится большая поддержка: ведь он вытесняет большее количество газа.

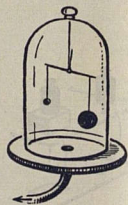
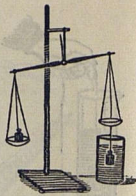
Выкачали воздух, и большой предмет потянул вниз. Значит, закон Архимеда справедлив и для газа.

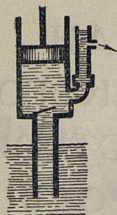
Вы, конечно, не раз видели аэростаты заграждения, воздушные шары и дирижабли. Они держатся в воздухе, подчиняясь закону Архимеда. Их оболочки наполнены лёгким газом — водородом. При одинаковом давлении водород почти в 15 раз легче воздуха. Не удивительно, что шар, наполненный водородом, поднимается вверх.

Наполните стакан водой, закройте его листочком бумаги и, прижав бумагу ладонью, быстро переверните стакан кверху дном. Можете больше не прижимать бумагу: вода всё равно не выльется. Почему? Потому что воздух давит снизу на листок бумаги сильнее, чем вода давит на него сверху. Вся толща атмосферы, окружающей земной шар, принимает участие в этом давлении. И если мы измерим его, окажется, что на уровне океана все тела испытывают давление около одного килограмма на квадратный сантиметр. Чем выше вы будете подниматься, тем меньше будет это давление, а там, где летают высотные самолёты, давление настолько мало, что человек заболевает особой, «горной» болезнью.

Понижение давления на больших высотах очень мешает лётчикам. Но зато, наблюдая за изменением атмосферного давления, лётчик в любой момент может определить высоту своего полёта. Ему даже не приходится делать вычислений. Прибор для определения высоты — альтиметр — устроен так, что стрелка его, отзываясь на изменение давления, сразу показывает высоту.

Давление пара толкает поршень паровой машины. Давление пороховых газов выбрасывает пулю из ствола винтовки. Давление

воздуха выжимает воду при подземных работах из забоя шахты. Чтобы повысить давление, придумано много разных приборов и машин. Самая простая из них — поршневой насос.

Вот тут против насоса нарисован гидромонитор. Насос качает воду, вода под высоким давлением вылетает из сопла гидромонитора и делает настоящие чудеса: она размывает песок, дробит камень, с корнями вырывает из земли деревья. Толстую кирпичную стенку гидромонитор пробивает в несколько минут. Труд сотен людей бегёт на себя гидромонитор. А управляет им всего один человек...

Почему пуля, вырвавшись из ствола винтовки, пролетает несколько километров, прежде чем упасть на землю? Почему вагон продолжает бежать по рельсам с выключенным мотором?..

— По инерции, — скажете вы.

А если поставить стакан с водой на спичечную коробку? Как, по-вашему, обладает он инерцией или нет?

Давайте проверим. Попробуйте быстрым ударом линейки выбить коробку из-под стакана. Стакан не опрокинется и не полетит на пол. По отношению к столу стакан находился в покое, и это своё состояние покоя он стремится сохранять точно так же, как движущийся вагон стремится сохранить своё движение.

Человек широко использует в технике явление инерции. Но иногда инерция создаёт затруднения, справиться с которыми очень трудно. Вот смотрите: садится скоростной самолёт. Как бы спокойно чувствовал себя лётчик, если бы в момент посадки смог избавиться от инерции! Но это невозможно. И, сжав рукоятки штурвала, лётчик огромным напряжением всех своих сил ведёт самолёт по посадочной дорожке. Дорожка гладкая и ровная, но на такой скорости любое неверное движение, любой случайный толчок — и полёт может закончиться аварией.

Быстро «погасить» инерцию на посадке — одна из важных задач современной авиации. Может быть, вам как раз и достанется честь решения этой задачи. Тогда вспомните опыт со стаканом и первый серьёзный разговор об инерции, который вёл с вами учитель физики в шестом классе.

Прежде чем закончить наш разговор, сделаем ещё один простой опыт. Принесём в класс блок, нитку, груз...

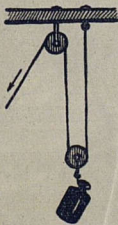
И смотрите, сколько новых возможностей открывается перед нами! Мы тянем за нитку вниз, а груз поднимается вверх! А если перекинем нитку через два блока, как изображено на рисунке, тогда получится ещё удивительнее: мы тянем с силой одного килограмма, а поднимаем два килограмма. Это ли не чудо?

Но физика и на этот раз говорит: «Чудес не бывает!» Два килограмма вы подняли на пятьдесят сантиметров. А нитку тянули с силой в один килограмм, но зато на протяжении целого метра. В обоих случаях ваша работа равна одному килограммометру.

Да, чудес не бывает. Но когда смотришь на подъёмный кран, на его блоки величиной с паровозное колесо, на его стальные канаты толщиной в человеческую руку, когда смотришь на работу такого крана, разве не кажется он чудесным великаном? Разве не кажется чудом, что девушка, управляющая таким краном, за несколько часов одна разгружает большой пароход?

Вот видите, какими богатырями делают людей физика и техника.

А ведь мы с вами ещё только заглянули в дверь физики. Впереди ещё длинный путь. Будет много трудностей на этом пути, много сомнений и неудач. Но зато когда вы овладеете физикой, вы станете настоящими богатырями. Стоит потрудиться для этого!

Поля, окружённые лесами, даже в засушливые годы приносят богатый урожай. Многие колхозы и целые районы нашей страны уже отгородились от суховея широкими полосами леса, устроили у себя пруды и водовы, собирающие весеннюю влагу.

Леса сохраняют влагу. Реки с лесистыми берегами не высыхают и не мелеют знойным летом.

Деревья, посаженные вдоль шоссе и дорог, летом дают тень, а зимой охраняют дороги от заносов.

ПЛАН ВЕЛИКОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА ПРИРОДЫ

Перед нами карта невиданного в истории человечества похода, который начал советский народ против засухи. План этого похода детально разработан по инициативе товарища Сталина Советом министров СССР и Центральным Комитетом партии коммунистов. Пройдёт немного лет, и на пути суховея сплошным фронтом в тысячи километров встанут мощные лесные стены. На берегах Нижней Волги зашумят дубы, вязы и тополя, от Сталинграда до Кавказских гор, охраняя Сальские степи, потянутся вышневые, абрикосовые и грушевые сады. Звоналиты и цитрусусы, выйдя за пределы Грузии, появятся в Крыму, на Кубани, на юге Украины, в Средней Азии, Азербайджане, Дагестане и Молдавии.

Зелёная стража

Анатолий Паустовский

Любовь к лесу родилась у меня ещё в детстве. Когда я был гимназистом четвёртого класса, моя семья проводила лето в знаменитых Брянских лесах. Раньше они назывались Добрянскими, а слова «добрый» — непродоходные лесные чащи. Я никогда не забуду тот летний вечер, когда я впервые ехал на телеге с маленького полукуста

в глубину этих лесов. Всё казалось мне удивительным и таинственным: и вершины сосен, терзавшиеся во мраке, и туман над болотами, и блеск звёзд в вышине между ветвей, и бесшумный полёт тёмных птиц. Тогда ещё я не знал, что это летали совы.

Мне всё казалось, что в лесной тьме, вот здесь,

в нескольких шагах от дороги, прячутся в овраге разбойники, а между стволов тускло блестят озёра с покосившимися сторожками на берегах. Мне казалось, что со дна этих озёр долетает едва слышный колокольный гул, пока я не догадался, что это шумят сосны.

Днём лесной край предстал передо мной во всей своей мощи и нетронутой красоте.

Любимым занятием у нас, мальчишек, было лазание на вековые сосны. Мы забирались на самые вершины. Оттуда, казалось, можно было дотянуться рукой до облаков. Там сильно, до одури пахло нагретой смолой, и во все стороны простирался неведомый лес.

Можно было часами сидеть на вершине сосны и смотреть на этот хвойный океан, слушать шум, похожий на ропот прибоя, и гадать о том, что скрывается там, в этих безбрежных дебрях.

В Брянском лесу я впервые встретился со старым лесничим и узнал от него много вещей, показавшихся мне невероятными.

Я узнал, например, что лучшие семена сосны лесоводы добывают из белчихих «складов», потому что белка собирает только самые здоровые и свежие шишки.

Я узнал, что брянская сосна растёт на песчаной земле, смешанной с фосфоритами, и потому нет в мире лучшей сосны по прочности и красоте древесины.

И, наконец, я узнал главное: что лес и один только лес спасает землю от высыхания, от засухи, суховеев, неурожая и порчи климата.

С тех пор я понял великое значение леса для жизни человека, для жизни земли. Я узнал простой закон, проверенный веками; он говорит, что каждый гектар уничтоженного леса вызывает неизбежную гибель гектара плодородной земли.

Уничтожение лесов ведёт к высыханию земли. Лес задерживает влагу. Снега тают в лесах гораздо медленнее, чем в безлесных местах. Талая вода спокойно просачивается в глубину почвы. Потом лес медленно и равномерно отдаёт эту влагу окрестным полям и рекам. А в безлесных, голых полях талые и дождевые воды стремительно скатываются в реки, вызывают наводнения и безвозвратно уносят огромные слои плодородной земли. На полях остаётся тощая, бесплодная глина, а реки быстро мелеют и заносятся илом и песком.

Особенно опасно сводить леса по склонам холмов и гор. Тотчас от дождевых потоков

Эвкалипты необыкновенно быстро растут, осушают болота и дают ценное эфирное масло.

начинается рост оврагов. Овраги уничтожили уже огромные пространства полей.

В горах дождевые воды низвергаются в долины, заносят их жидкой глиной, обломками скал, и, бывает, под этими пластами грязи гибнут целые поселения.

Лес питает родники и реки своей чистой водой. Большинство рек берёт начало из лесных болот и озёр. В местах, где лес уничтожен, грунтовая вода уходит очень глубоко, и тотчас начинается обмеление рек.

Но лес — не только хранитель вод. Он спасает землю от летучих песков и суховеев.

Все лесные насаждения могли бы занять площадь в два раза больше Бельгии, могли бы опоясать Землю по экватору поясом шириною в полтора километра. А если бы с Земли можно было перебросить на Луну узенький земляной мост шириною в полтора метра, то деревьев лесных насаждений хватало бы для того, чтобы засадить весь этот мост.

За последние сто лет из-за вырубки лесов летучие пески появились там, где их никогда не было. Площадь земли, затянутой этими песками, увеличилась во много раз.

На юго-восток от нашей богатой Русской равнины лежат Закаспийские пустыни — бесплодные и никчёмные области земли. Пустыня страшна тем, что она непрерывно движется. Ветер подымает на воздух целые материи мелкого песка. Солнце меркнет в багровой пыльной мгле, и начинается грозное и зловещее наступление песков на плодородные земли.

Кроме песка ветры из пустыни — у нас их зовут суховеями — несут с собой раскалённый, иссушающий воздух.

Сохнут хлеба, перегорает в пепел листва деревьев, трескается от жара земля.

Человек может и должен остановить наступление пустыни. И в этом ему может помочь только лес, только могучие зелёные стены лесов, выдвинутых, как боевые форпосты, навстречу суховеям.

В октябре этого года правительством Советского Союза и ЦК партии был обнародован смелый, не имеющий себе равных в истории план насаждения лесов на восточных рубежах Союза. Это план создания новой природы. Вглядитесь в помещённую на предыдущей странице карту, посмотрите, как мудро задуман поход на засуху, как преднесена победа. Пройдёт немного лет — и тысячекilометровые лесные полосы остановят суховеи и спасут от высыхания плодородные земли.

Когда думаешь об этом, то невольно завидуешь нашей молодёжке: она будет осуществлять эту прекрасную и небывалую работу.

Леса оздоравливают землю. Они не только исполняют лаборатории, дающие кислород. Они поглощают из воздуха пыль и ядовитые газы. Достаточно того, что в воздухе городов в несколько тысяч раз больше микробов, чем в воздухе лесов.

Нет, пожалуй, ничего целебнее и прекраснее, чем воздух сосновых боров, смолистый, мягкий, настоенный на запахе хвои, травы и цветов. Поэтому в нашей стране так берегут леса вокруг больших городов и справедливо называют их «лёгкими города».

Этим летом старуха-колхозница из Мещорских лесов под Рязанью сказала мне:

— Наши леса трогать немисливо. Они дышат на Москву издала своим лёгким воздухом. В наших лесах живи, сколько хочешь, хоть сто — полтора ста лет, никто тебе слова не скажет!

Наконец, есть ещё одно прекрасное свойство лесов: они, если говорить языком наших учёных лесоводов, являются наиболее благоприятной средой для кристаллизации человеческой мысли и для творчества.

Красота наших лесов всегда была источником вдохновения для наших поэтов, учёных, композиторов и художников — Пушкина, Гоголя, Чехова, Аксакова, Чайковского, Бородина, Пришвина, Левитана, Нестерова, для историка Ключевско-

Посадка деревьев — лучший способ закрепить овраги, помешать им разрастаться.

го, создателя нашей авиационной науки Жуковского и многих других.

Наш народ всегда любил, знал и ценил лес. Недаром столько сказок и песен сложено о наших дремучих лесах.

Мы великая лесная страна. Наша лесная наука — самая передовая в мире. Мы дали миру таких учёных, как Докучаев, Тимирязев, Вильямс. Они были не только исследователями, но и хранителями лесов. Вспоминая их, мы не можем не вспомнить об огромной армии простых и незаметных Героев: о наших лесоводах, лесничих, лесниках, объездчиках, об их напряжённом и суровом труде.

Они хранители леса и тем самым хранители тех сил природы, которые дают нашей стране урожаи, её богатства и без сохранения и развития которых немисливо наше счастливое будущее.

В заключение мне хочется привести здесь одну надпись на фанерной табличке, прибитой к межжевому столбу. Надпись эту я видел в Гришинском лесничестве, в сказочных по красоте местах, на границе Муромского лес:

«Глядите — берегите этот лес. Погубить его можно за день, а вырастить надобно сто лет. Поэтому и разводить костры запрещается строго. Объездчик Андрей Потапов».

В лесах наше будущее, судьба наших урожаев, наших полноводных рек, нашего здоровья и — в известной мере — нашей культуры.

Поэтому лес надо беречь, как мы бережём жизнь человека, как мы бережём нашу культуру и все достижения нашей необыкновенной эпохи.

Ребята! В осуществлении плана преобразования нашей страны и вы должны принять участие. Ваша помощь нужна и в сборе семян, и в закладке питомников, и в посадке деревьев, и в охране молодых насаждений. Работа найдётся уже теперь, зимой. Соберите семена сосны, белой акации, гледичии, американского клёна и ясеня, чёрной ольхи, сибирской лиственницы и других деревьев.

Мы помогаем колхозу

В окрестностях села Чёпово, где мы живём, совсем нет леса. Может быть, поэтому у нас часто бывают невысокие урожаи.

Колхозники решили победить природу. Весной в нашем колхозе «Красная роща» будет заложен лесной питомник. Правление колхоза обратилось к школе с просьбой помочь собрать семена для питомника. И вот каждое воскресенье все юннаты ходят в лес. Лес от нас далеко, почти в десяти километрах. Но когда знаешь, что идёшь туда не без пользы, то дорога не кажется длинной.

Мы собираем семена ели, сосны, клёна и ясеня. Установили норму — каждому набрать не меньше полкилограмма, но уже сейчас видно, что Лёня Фищенко,

Люба Титкова и Маруся Гуликова соберут больше нормы: они умеют собирать семена быстрее всех.

Ещё ранней осенью мы собрали для колхоза большое количество семян дикорастущего клевера. Теперь у нашего колхоза будет замечательное клеверное пастбище, а осенью это поле пойдёт под озимые посевы.

Мы и весну встречаем вместе с колхозом. В прошлом году попробовали мы определить семенное зерно на всхожесть. Оказалось, что много семенных зёрен не дали всходов. Районная семенная станция подтвердила нашу проверку и заменила колхозу семенной фонд.

Председатель колхоза Иван Степанович Пугачевский и в этом году разрешит нам проверять семена на всхожесть. А нам это и интересно и полезно. Такая работа помогает хорошо учиться.

Юннаты Чёповской семилетней школы, Почепского района, Брянской области, Миша Чацкий, Маруся Бабичева, Толя Милотин

29 октября, в день тридцатилетия комсомола, в Москве была открыта Всесоюзная выставка творчества пионеров и школьников, Юные натуралисты, техники, путешественники и другие ребята представили на эту выставку лучшие свои работы.

Пионеры города Минска прислали очень ценный гербарий растительного мира Березинского заповедника. В нём насчитывается до десяти тысяч различных видов растений.

На выставке много интересных самоделок, дневников летних походов и всевозможных моделей.

Действующий электровоз, который вы видите на этой фотографии, сделали ребята со станции юных техников Свердловского железнодорожного узла.

Как мы с Юрой вырастили бельчат

Юра Чернецов и я часто ездим за город. У нас уже в привычку вошло почти каждый выходной проводить в лесу. Для юннатов воскресенье, проведённое в городе, — потягивный день.

Как-то весной мы с Юрой поехали на станцию Лось. Мы давно разыскивали беличье гнездо с бельчатами. До сих пор нам всё пустые попадались. День был солнечный, и мы проходили в лесу почти до вечера. Нам и в этот раз не везло. Мы нашли только гнездо певичего дрозда. Оно очень похоже на беличье: такое же круглое и так же прочно сделано из словых веточек и хорошо спрятано в густой кроне старой ели. Но внутри дрозд обмазывает своё гнездо глиной, а белка застилает его растереблённым лыком. На большой ели у самой дороги мы увидели ещё одно гнездо. Ель была высокая, прямая и без сучьев внизу. Лезу на ель, а Юра отговаривает, думает, что зря лезу. Но я карабкаюсь. Осталось метра два до гнезда. Вдруг оттуда выскакивает встревоженная белка и с цоканьем начинает носиться вокруг меня. Я просунула руку в гнездо и нащупала шесть крошечных бельчат. Они были слепые, с длинными тонкими хвостами и короткой рыжей шерсткой...

В кепке мы привезли бельчат в город. Теперь мы могли выполнить задание кружка — вырастить бельчат без белки. Зверьки были ещё слишком малы, и им надо было найти приёмную мать. На городской станции юннатов нам дали крольчиху. Мы переложили её крольчат к другой крольчихе, а к этой посадили бельчат. Но крольчиха по запаху почувала, что это не её дети, и не стала их кормить. Мы намазали крольчихе нос вальерьянкой, чтобы она потеряла на некоторое время чутё. Но всё-таки нам довольно долго пришлось насильно подкармливать бельчат, чтобы они сосали.

Наша бельчата стали подрастать. Через месяц они прозрели, и хвосты у них поднялись и загнулись на спинки, как у больших белок. Все белочки чем-нибудь отличались друг от друга, и мы каждой дали имя. Наблюдать за ними было очень интересно, каждый день мы замечали что-нибудь новое. Но вдруг у нас пропали Светлянка и Сероголовка. Тогда мы с Юрой подедали между собой оставшихся: он взял Рыжика и Пионера, а я — Каптанчика и Чернохвоста.

Летом я забрал своих белок на дачу. И вот здесь, наблюдая за их жизнью на воле, я узнал о белках много нового, чего не знал раньше. Очень интересно было наблюдать за тем, что белки едят. Я кормил их хлебом, травой и парным молоком, которое они сами пили из блюдечка. Оказывается, белки не

Вот какой он, мой Чернохвост!

очень разборчивы. Они охотно едят даже бабочек и очень любят, как и все грызуны, грызть всё, что попадётся: бумагу, мыло, землю.

Часто я ходил с белками в поле, и они бежали за мной, как собачки. Конечно, приучить их к чему-нибудь, как собаку, нельзя, но я всё-таки добился, чтобы белки прибегали ко мне, когда я хлопал ладонями по коленям.

Чернохвост любил прыгать по высокой берёзе, которая стояла около нашей дачи. Однажды при сильном порыве ветра он свалился и от испуга так далеко убежал, что я его еле нашёл. А когда я стал его брать на руки, он меня укусил. Осенью уже в Москве с Чернохвостом случилось новое несчастье: он выпрыгнул из окна с шестого этажа. Бедного Чернохвостика принёс ко мне милиционер чуть живого. Я думал, что он не выживет. Но, к счастью, всё обошлось благополучно. Чернохвост снова весело прыгает в клетке, а когда я выпускаю его, то уседеть за ним почти невозможно. Он отчаянно скачет во все углы комнаты и совсем никого не боится. Ему очень нравится садиться мне на голову и прятать в волосах орехи.

Восьмью месяц живёт у меня Чернохвост. За это время три раза менялся цвет его шкурки. Сначала был чуть-чуть рыжеватый, почти бесцветный пушок. Постепенно он превратился в тёмнорыжий, местами в коричневый с чёрным. Таким он продержался целое лето. Осенью Чернохвост стал линять, и к зиме его коричневая шубка превратилась в серенькую. Совсем недавно я заметил, что Чернохвост часто стучит лапкой по своей поилке. Я стал наблюдать и увидел, что делает он это, когда в поилке нет воды, а ему хочется пить.

Все свои наблюдения за белками мы с Юрой записывали. Недавно я о них рассказал своим товарищам — другим юннатам Московского зоопарка.

Андрей Калецкий,
член кружка юннатов при Зоопарке.

Москва.

Что я готовлю к сбору отряда

Однажды Юрий Константинович Карпинский — учитель физики — задал нам практическую задачу. Нужно было на опыте доказать, что тела при нагревании расширяются. Есть много способов решения этой задачи. Сначала мы делали несложные приборы.

— А нельзя ли сделать такой прибор, чтобы он в изготовлении был попроще, а в действии понагляднее? — сказал как-то Слава Жолобов.

— А ты попробуй, — посоветовал ему Юрий Константинович.

Слава изготовил модель металлического моста: между двумя деревянными кубиками он перекинул «мост» — тонкую медную пластинку. Один конец пластинки Слава прочно закрепил на первом кубике, а другой опустил на второй кубик, проложив между ним и пластинкой стальную «каток» — тонкую иголку. На ушко иголки, выступающее за грань кубика, Слава насадил перпендикулярно иголке длинную стрелку из плотной бумаги. Как только он поднёс горящую спичку к середине пластинки, она, нагреваясь, начала расширяться. Её свободный конец передвинулся по иголке, иголка повернулась на несколько градусов, и стрелка резко отклонилась в сторону. Потом пластинка — «мост» — стала остывать, и стрелка медленно вернулась в первоначальное состояние.

Много и других приборов и наглядных пособий сделали мы в своём кружке юных физиков. Все они очень помогают нам хорошо учиться по физике.

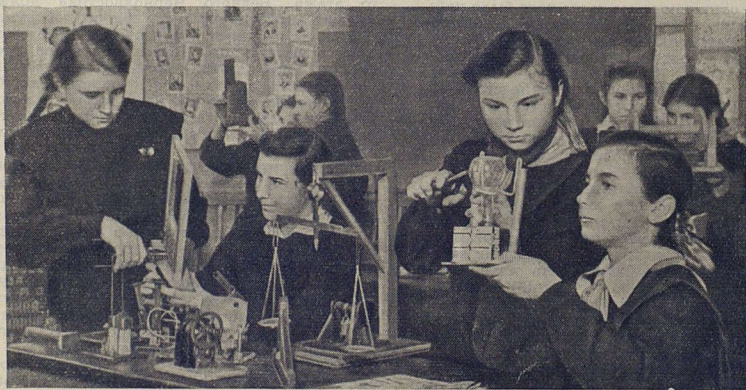
Рудик Бушуев и Георгий Фурщик сделали каргу электрификации Урала. На ней указаны основные электростанции, действующие и запроектированные. Если включить свет, то в этих местах загорятся лампочки.

А Вова Шукстов и Сеня Бараз изобрели даже реактивный двигатель. Это прибор для демонстрации третьего закона механики: действия двух тел друг на друга всегда равны по величине и противоположны по направлению. Мы знаем, что этот закон — основа всей современной реактивной техники. Ребята выпустили в коридоре школы несколько «ракет». Они летели метров пятнадцать. А когда «стреляли» на улице, то «ракеты» взлетали выше нашей трёхэтажной школы. Этот прибор наглядно доказывает принцип реактивного действия. Для его работы требуется смесь бездымного пороха, угля и селитры.

У нас бывают «клубные дни». Мы слушаем доклады о современной технике, о творцах русской авиации — Жуковском и Циолковском, о современных авиаторах. Но мы и сами выступаем с докладами на отрядных сборах. Мне, например, поручено провести в отряде младших пионеров беседу о том, что такое молния, и поставить опыты. Я покажу искусственную молнию и устрой несколько шуточных опытов. Ребята и посмеются и узнают много полезного.

Игорь Кудрявцев, член кружка юных физиков 9-й мужской средней школы

Свердловск.

Здесь вы видите девочек из средней школы № 6 города Кунцево, Московской области. Они собрались на занятия физического кружка. Галля Ретонская и Галля Крючкова (на фото справа) на опыте проверяют свойства теплоты. Беда Позднякова и Нина Сергеева сделали рычажный реостат и готовят его для опытов на уроках. В кружке занимаются 68 девочек из разных классов, и все они хорошо учатся по физике.

«Молодая гвардия»

Дорогие ребята! Все вы, конечно, видели на экране замечательный кинороман «Молодая гвардия». Постановщик фильма Сергей Герасимов и его ученики — молодые актёры — заставили нас заново прочувствовать и пережить бессмертную борьбу героев-краснодонцев. Как живые, прошли перед нашими глазами образы Олега Кошевого, Любы Шевцовой, Серёжи Тюленина... Ещё глубже поняли мы красоту их подвига, ещё больше захотели походить на этих людей.

Не удивительно, что создатели и участники фильма получают сотни восторженных писем от ребят всего Союза. Пионеры клянутся стать «достойными памяти Олега Кошевого, памяти всех молодогвардейцев». И почти всех ребят интересует вопрос, как снимался фильм «Молодая гвардия», как работали актёры над своими ролями.

Поэтому мы и попросили режиссёра фильма «Молодая гвардия» и актёров — исполнителей главных ролей молодогвардейцев — рассказать о своей работе на страницах нашего журнала.

Представьте себе знойное лето. Краснодон. Вымершие улицы. Одинокая женщина с коромыслом маячит вдали у колодца. С нарастающим грохотом приближаются немецкие автоматчики-мотоциклисты. За ними следом — вереница грузовых машин, переполненных орудиями немецкими солдатами. Перекрывая весь этот гомон железным скрежетом гусениц, проносятся танки, сотрясая стены шахтёрских домиков. Немцы вступили в Краснодон.

Полуголые, в трусах, они поют песни и кричат в колонки, обливая друг друга водой. Вот реставровцы волокут избитого шахтёра... Вот группа немецких солдат, гоча, расстреливает из пулеметов украденных кур...

— Ахтунг! (Внимание!) — кричит квартирмейстер.

— Смирно! — оркестр заиграл немецкий марш. Подъезжает легковая машина, останавливается, из неё выходит толщй, как жердь, генерал.

— Стоп! — весело кричит человек с рупором. — Отлично сыграли, товарищи! — обращается он к «немцам» и к «жителям».

Так летом 1947 года в городе Краснодоне начались съёмки фильма «Молодая гвардия».

Этим съёмкам предшествовала полуторагодовая подготовительная работа.

Вы смотрите обе серии нашего фильма три часа и, возможно, не догадываетесь, что фильм мы делали три года. В каждую минуту просмотра нашего фильма вложено шесть дней работы большого коллектива: режиссёров, актёров, операторов, композитора и звукооператора.

Начало этому труду было положено в Государственном институте кинематографии, в мастерской лауреата Сталинской премии народного артиста Союза ССР профессора Сергея Аполлинариевича

Герасимова. Едва только в печати появились первые страшилки романа Фадеева, у Герасимова возникла мысль поставить кинороман «Молодая гвардия» силами учеников, студентов-актёров. Ведь Герасимов — не только превосходный режиссёр — постановщик таких фильмов, как «Семеро смелых», «Комсомольск», «Учитель», он ещё и замечательный педагог.

Вначале в Государственном институте кинематографии шла учебная работа над отдельными сценами романа. Потом в Государственном театре киноактёра был поставлен спектакль «Молодая гвардия». По существу, это был сретированный будничной фильм, главные роли в этом спектакле играли те же актёры, которых вы видели на экране.

Как мы подбирали исполнителей? Это была трудная, большая работа. Многие из них были найдены тут же, в Институте кинематографии, при этом они напоминали героев-краснодонцев не только внешне, но и некоторыми чертами своей биографии. Например, Сергей Гурзо — исполнитель роли Сергея Тюленина — подростком ушёл на фронт, служил в батальоне огнемётчиков, несколько раз был ранен. Нонна Мордюкова (Ульяна Громова) — в прошлом трактористка — принимала участие в партизанском движении. Труднее всего было найти «Юшевого». И вот однажды на очередной отбор актёров ко мне приходит юноша с открытым, смелым лицом, ясными серыми глазами. Что-то в нём было удивительно привлекательное, такое, что сразу меня заставило вспомнить описание Олега Кошевого у Фадеева, где говорится о том, что всё существо этого юноши дышало свежестью, душевной чистотой... Взглядываюсь в него, и он всё больше напоминает мне Олега. Спрашиваю имя — Владимир Иванов, студент Государственного института театрального искусства, бывший фронтовик, разведчик и комсорг своей воинской части. Я предложил ему прочесть монолог из сцены казни молодоговардейцев. И первые же слова этого монолога были произнесены с такой силой, с такой страстной убедительностью, что все сомнения у меня исчезли. Я повёл этого юношу к Герасимову. О том, что было дальше, он вам расскажет сам. Добавлю только, что Володя Иванов так полюбил кино, что, изменив театру, перешёл учиться в Институт кинематографии.

Когда все исполнители были найдены и подготовительная работа завершена, начались съёмки в ателье киностудии.

Первой снималась сцена в женской тюрьме. Это была не только первая съёмка фильма, но первая съёмка в жизни наших молодых актёров. И, как иногда случается, этот «первый блин» вышел «комом»... Нужно сказать, что тонкость

игры и естественность интонаций, которых добивался от молодых актёров Сергей Аполлинариевич, многим дался не сразу. Многие из них «переигрывали», то есть выражали свои чувства с преувеличенной силой. Кино же не терпит подобных нажимов: чувство, выраженное таким образом, кажется на экране фальшивым... И Герасимов придумал превосходный способ наглядно объяснить молодым актёрам их ошибку: вся эта сцена была снята на плёнку и показана исполнителем. Посмотрев на себя глазами зрителя, актёры сами увидели свои недостатки и постепенно нашли верный тон, добываясь всё большей и большей жизненности, естественности игры.

В работе над созданием образов большую помощь актёрам оказали родные молодоговардейцев, их товарищи и другие жители города Краснодона, где все мы провели четыре с половиной месяца.

В Краснодоне снято много массовых сцен: вступление немцев, эвакуация, переправа через Донец и другие.

Хозяйство у нас было большое. По распоряжению Министерства Вооружённых Сил Союза ССР для участия в съёмках на всё лето 1947 года к нам в Краснодон были присланы: кавалерийский полк, танковый батальон, зенитные батареи, целый понтонный парк для наведения переправы через реку Донец, сапёрный батальон, рота мотоциклистов, авиаэскадрилья.

Чтобы вы получили представление о нашей работе, я расскажу вам о съёмке переправы через реку Донец.

Для наших съёмок было выбрано пустынное место в семидесяти километрах от Краснодона. В определённый день сюда пришёл сапёрный батальон и срезал крутой берег Донца, проложив дорогу к переправе. Понтонёры вместе с сапёрами, преодолевая стремительное течение воды, перебрались через реку понтонный мост. Зенитчики, выкопав блиндажи, установили зенитные батареи.

Прибыли лётчики эскадрильи, их самолёты были нами камуфлированы — замаскированы под немецкие. Директор нашего фильма Я. И. Светозаров в специальных поездах привёз на съёмку три тысячи человек из Ворошиловграда. Предстояло снять сцену налёта фашистских самолётов на переправу, разрывы бомб, стрельбу зенитных орудий по самолётам. Всё это должно было быть видно одновременно в одном кадре.

Вы, может быть, знаете, что зенитные пушки холостыми снарядами не стреляют, так как нет отдачи. Значит, предстояло стрелять боевыми. Представьте себе, как точно нужно было рассчитать угол стрельбы зенитных орудий, чтобы лётчики, пикируя, могли пройти под зенитками на

пятнадцать — двадцать пять метров выше полёта снарядов. Кроме того одновременно со стрельбой зениток специальным пультам надо было взорвать в воде и на земле заранее приготовленные фугасы, изображающие взрывы сброшенных бомб. Не забудьте, что в этой сцене участвует масса людей, и поймите, как точно нужно организовывать всё это, чтобы не было несчастных случаев... Но съёмки прошли прекрасно. Вы все видели эту сцену, запечатленную нашим главным оператором лауреатом Сталинской премии В. Раппопортом. В фильме она дополняется превосходной музыкой, которую написал к нашей картине лауреат Сталинской премии народный артист РСФСР композитор Д. Шостакович.

Работа наша окончена. Мы горды тем, что наш фильм вышел на экраны в дни тридцатилетия Ленинско-Сталинского комсомола. И если вы,

Народный артист СССР кинорежиссёр С. А. Герасимов объясняет молодым артистам, исполняющим роли Жоры Арутюнянца, Ивана Туркенича и Виктора Петрова, как надо играть сцену встречи с немцами, когда краснодонцы возвращались домой, не успев уйти с частями Красной Армии.

пионеры, посмотрев этот фильм, ещё больше полюбите героев-краснодонцев, если вы захотите стать такими, как Олег Кошевой, Сергей Тюленин, Шевцова, Громова, Земнухов, и будете стремиться к этому, — это будет лучшей наградой для нас, советских кинематографистов.

Режиссёр фильма «Молодая гвардия» Э. Волк

Три экзамена

Олега Кошевого я полюбил тогда, когда был ещё на фронте. О подвиге молодогвардейцев мы читали в полку. Помню горячие комсомольские собрания в траншеях — пример Кошевого и его друзей вдохновлял нас на бой с немцами.

Конечно, тогда у меня и в мыслях не было, что этот образ станет мне так близок, хотя сделаться актёром мне хотелось давно. Об этом я мечтал с детства.

Мечта осуществлялась после окончания войны. Я стал учиться театральному искусству. Но в то время, когда Сергей Аполлинаривич начал подыскивать актёров для «Молодой гвардии», я и не помышлял о большой роли. Первым обратил на меня внимание Э. Ю. Волк, внешность моя оказалась ему подходящей, биография — тоже. Он повёл меня к Герасимову.

Чего только я не передумал в то время: самые противоречивые мысли гонимы у меня в голове! С одной стороны, конечно, страстно хотелось взяться за эту роль. И в то же время одолевала

робость. Я — и Олег Кошевой! Где я найду силы, чтобы воплотить этот образ? Ведь Олег — это не вымышленный герой художественного произведения: это живой человек — и какой человек! Страшную ответственность берёт на себя актёр, решивший сыграть эту роль. Нет, не выйдет у меня Олег Кошевой! Да, наверно, и Герасимов тоже не остановит свой выбор на мне.

С такими мыслями я пришёл к Сергею Аполлинаривичу. Дорогие ребята! Знаете ли вы, что такое настоящий учитель? Это человек, который понимает вас лучше, чем вы сами, и видит в вашей душе то, в чём вы ещё не в силах разобраться. Сергей Аполлинаривич Герасимов — именно такой учитель.

После разговора с Герасимовым я стал гораздо спокойнее. Я понял, что первый мой экзамен выдержан. Во мне росла уверенность, что, может быть, я и сыграв эту ответственную роль, если, конечно, мобилирую всё лучшее, что есть во мне. И я стал работать над ролью, стараясь вложить в неё и волю, и чувство, и сердце своё. А насколько это удалось, — судить вам, а не мне.

Второй экзамен на роль Олега я держал в Крас-

нодоне. Как трепетало моё сердце, когда мы подвезжали к белым шахтёрским домикам! Как-то встретят меня Кошевых? Точно ли похож я на Олега? Ведь у близких людей особенно зоркий глаз, и сходство, удовлетворяющее посторонних, может показаться им недостаточным. Не помня себя от волнения, вбежал я в дом, где жил когда-то Олег. И только, когда ба-

бушка Олега Вера Васильевна, вскрикнув: «Олег приехал!» — прижала меня к своей груди, от сердца у меня отлегло. Я понял, что второй экзамен одан. Меня признали.

Так началась моя жизнь в Краснодоне. Я жил в комнате Олега, сидел в его любимом кресле, спал в его постели, укрываясь его одеялом. Я весь проникся атмосферой этого солнечного домика, этой дружной, чудесной семьи. По утрам мне наливали чай в чашку Олега, — как я полюбил эту чашку с птичкой! Бабушка рассказывала мне все сказки, которые когда-то рассказывала Олежке; мать Олега Елена Николаевна, с которой мы так подружились, припомнила все его привычки. Однажды я спросил её: «Почему Олег немного

заикался? Не испугали ли его чем-нибудь в детстве?» И Елена Николаевна рассказала мне, что когда Олегу было лет шесть, он часто играл с одной белокурой кудрявой девочкой, такой обязательной, что все её привычки казались милыми. Она немного заикалась, и Олег перенял эту манеру. Как ни бились с ним потом, его невозможно было от этого стучить.

Многое из того, что умел делать Олег, я не умел, и мне приходилось восполнять пробелы. По утрам в укромном месте я учился плавать. В Краснодоне стоял кавалерийский полк, который прислали специально для съёмки. Я часто заходил туда, и кавалеристы показывали мне, как обращаться с лошадьми. Четыре с половиной месяца в Краснодоне прошли незаметно. Но и после отъезда я не потерял связи с семьёй Кошевых. Мы и в самом деле точно породнились. В день тридцатилетия комсомола я нашёл у себя в общежитии телеграмму: «Дорогой Володечка! Поздравляю тебя с тридцатилетием комсомола. Желаю успеха в жизни и работе. Любящая тебя Елена Кошешова».

Так, в непрерывной работе, подошёл я к третьему своему экзамену — на экране. И если подвиг Олега и его друзей прочно войдёт в ваши сердца и вы ещё раз почувствуете всю красоту их жизни, — это значит, что мы, участники фильма, сдали этот экзамен.

*Владимир Иванов, исполнитель роли
Олега КОШЕВОВО*

Вот какой была Люба

В 1942 году, когда Люба Шевцова вела свою героическую работу в подполье Краснодона, я, как вы все, учился в школе. А в 1945 году, когда мы услышали о книге Фадеева «Молодая гвардия», я была студенткой. В тех сценах, над которыми мы работали в институте, у меня вначале была совсем маленькая роль: я играла одну из девочек в тюрьме. Но, если честно признаться, у меня и тогда была мечта... Нет, о роли Любы я и мечтать не смела: я хотела сыграть Валю Борд. Да я многих, многих хотела сыграть... Даже Серёжку Тюленшина.

И тут я услышала, что Сергей Аполлинариевич хочет попробовать, не гожеус ли я на роль Любы. Я боялась этому поверить. И ещё много времени спустя, когда я уже работала над ролью, мне всё казалось, что-нибудь да помешает этому. Но, как видите, ничего не случилось.

Не думайте, однако, что это счастье далось мне совсем легко: мне пришлось много поработать. Нужно было проникнуть в самую суть этой чудесной девушки, такой весёлой и даже легкомыслен-

ной на первый взгляд и такой бесстрашной, целевой, кристально чистой. Осознать до конца этот образ мне помог Сергей Аполлинариевич; только благодаря его помощи я, недавняя школьница, человек, не так ещё много испытавший в жизни, сумела найти средства для передачи глубоких, трагических переживаний. Работая над этой ролью, я сама стремилась стать лучше, отважнее, непримрнее. Эта роль дала мне много не только как артистке, но и как человеку.

Мне пришлось работать над собой и физически. Нужно сказать, что раньше я была очень толстая, а это Любе уж никак не подходит. Потребовалось немало терпения и силы воли, чтобы, подчиняясь определённому режиму, привести себя в норму.

И вот мы поехали в Краснодон. Я сама сибирячка и в Донбассе впервые. Никогда не забуду того острого чувства, с которым я въезжала в красдонские степи, горячие степи, подёрнутые дымкой... Здесь ещё не так давно бродила «моя» Люба... Конечно, Краснодон и его окрестности очень ярко описаны Фадеевым, но всё же, когда своими глазами увидишь эти места, когда сама

плотнѣе степного воздуха, многое становится по-
всюду понятным и близким.

Я на пороге квартиры, в которой жила Люба...
Голова кружится от волнения. Тут и мысли о
том, как тебя встретят, и ещё другое, непередавае-
мо щемѣе чувство. Вот по этим ступенькам
входила Люба, эту скрипучую дверь отворяла Лю-
ба. Пожилая женщина вышла мне навстречу... Я
сразу догадалась, что это Евросинья Мироновна—
любина мать. Мы обнялись, и я не выдержала —
заплакала. И вдруг слышу: в углу тоже кто-то
всхлипывает. Это была девочка, племянница Лю-
бы. Я думала тогда, что её растрогала наша встре-
ча. Но поздней выяснилось, что она плакала со-
всем не потому. Оказывается, увидев мои слѣзы,
она расстроилась от того, что, мол, такая плакса
будет играть их весѣлую Любу.

Мне, как и всем моим товарищам, жизнь в
Краснодоне дала очень многое. Я узнала многие
чѣрточки из жизни Любы, которые не вошли в
роман Фадеева. На реке Каменке есть место, на-
зываемое «Бездонкой».—затопленная шахта боль-
шой глубины. И вот девочка Люба решила узнать,
есть ли дно в этой «Бездонке»: привязала к себе
камень и нырнула... Как уж она выплыла, ска-
зать не могу. Конечно, это детская шалость, и я

вам не советую подра-
жать ей, но всё же ведь
и в этом чувствуется лю-
бина отвага и стремление
довести дело до конца.

Запомнился мне и
другой рассказ. Когда
Любу вели на казнь, во-
круг собралось множество
народа. Люди были плохо
одеты, у большинства
немцы отобрали тёплые
вещи. А на Любе была
хорошая шубка. И вот в
эти последние, страшные
минуты, когда человек навсегда прощается со сво-
ей жизнью, истерзанная, измученная пытками де-
вушка подумала не о себе, а о других людях. Она
сняла шубку и бросила её в толпу: «Мне она
больше не нужна, а вам пригодится...» Вот какой
была Люба Шевцова! И если мне хоть немного уда-
лось передать её образ,—это для меня величайшая
радость.

*Инна Макарова, исполнительница роли
Любы ШЕВЦОВОЙ*

Судьба предателя

Друзья мои! Я знаю, что все вы
меня ненавидите и презираете.
Но что ж делать? Надо же ведь
кому-то играть отрицательные
роли... А работать над этой
ролью мне пришлось серьёзно... Вначале дело
у меня не очень ладилось, потому что я
играл так, чтобы каждый с первого взгляда
догадался, какой Стахович — трус и предатель.
Тогда вмешался режиссёр. Он разъяснил, в чём
моя ошибка. Стахович — не сказочный злодей, от
которого сразу же все пугаются.

В обычное время он такой же, как все: он много
улыбается, острит, горючится,—и, глядя на него,
трудно догадаться, что он представляет собой на
самом деле.

По вот наступает час тяжѣлого испытания. Ста-
хович в руках немцев; ему грозят страшные пыт-
ки, смерть. И тут обнажается его подлинная
суть — суть подлеца и труса, который стремится
найти наиболее «лѣгкий» выход из каждого по-
ложения. Он слишком дорожит своей шкуркой,
слишком боится физической боли. И в эти минуты
каждая жилка его лица говорит, что он преда-
тель... Вот как нужно играть Стаховича!

Я хочу рассказать вам об одной ночи, навсегда
врезавшейся в мою память. Снимали казнь моло-
догвардейцев, сцену, которую вы все, вероятно,

помните. Снимались мы
холодной, ветренной
ночью в том месте, где на
самом деле казнили геро-
ев, возле шурфа, куда их
на самом деле сбрасыва-
ли. Один за другим появ-
лялись товарищи. Грим
изменил их лица. Они и
выправду казались истер-
занными, окровавленны-
ми, истощёнными. Мно-
гие говорили потом, что
в ту ночь они заново
осмыслили всю трагедию
этой казни. Но, мне кажется, никто не почув-
ствовал это так и с такой стороны, как я.

И, предатель Стахович, тяжело валился вслед
за теми, кого моя трусость обрекла на мучения.
Я был причиной этих страданий. По моей вине
эти молодые лица были обезображены, искажены,
залиты кровью. И в то время, как их мука была
просветлена сознанием великой правды, у меня
не было ничего, кроме сознания моей низости. Они
были все вместе, а я один... Я оглянулся... И вдруг
я увидел, что вокруг нас собралась толпа. Това-
рищи; близкие, родители казнѣнных, несмотря на
ночную час, пришли к этому роковому месту. И все

взгляды были устремлены на меня. Не могу передать жуткого чувства, которое меня охватило. Я всем существом своим ощутил презрение и ненависть, которые я возбуждал... Я слышал страшные проклятия, крики: «Иуда!», «Смерть предателю!»

...И я — не Стахович, конечно, но актёр, игра-

ющий Стаховича,—почувствовал, что нет на земле конца, более ужасного, чем конец предателя. И если мои товарищи, игравшие Олега, Сергея, Любу, поняли, какими надо быть, я понял, какими не надо быть. А это тоже немалое.

Евгений Моргунов, исполнитель роли
Евгения СТАХОВИЧА

На родине молодогвардейцев

К роли Вани я подошёл с опытом, скорей жизненным, чем театральным. В театре я не так давно и перед этим не учился ни в каком театральном институте. Семь лет я провёл в армии, служил в пехоте и в авиации, был дважды ранен. Война доставила много горя: на фронте у меня погибли отец и брат,— но все-чему и научила. Думаю, что некоторые особенности характера Земнухова стали мне понятны только благодаря военным дням.

Очень трудно рассказывать, как актёр работает над ролью... Я несколько раз прочёл весь роман, изучил все материалы о молодогвардейцах, какие смог достать. Как будто весь образ в целом был мне понятен, и всё-таки некоторые сцены у меня не выходили. Бывает иной раз так: долго не можешь уловить какое-то самое ценное зёрнышко — и тут приходит на помощь режиссёр.

У Сергея Аполдинариевича удивительный дар — одним словом направить актёра в нужную сторону, вывести из лабиринта, в котором он запутался.

Вникать в сущность образа — этому научил нас Герасимов.

А привычки и мелкие особенности наших героев мы узнали в Краснодаре. Со мной, впрочем, была странная история. У меня с Ваней Земнуховым оказалось много сходных мелких привычек. Об этом мне не раз говорили и ванина мать Настасья Ивановна, и Нина, и Саша — его сестра и брат. Колю, бывало, дрова, а волосы длинные, мешают — вот и подберёшь их заколкой, а Настасья Ивановна говорит: «И наш Ваня так делал». Кончу колотить, подмету щетки веником, слышу:

«Вот и наш Ваня никогда мусора за собой не оставлял». Как-то везли они тачку, я пошёл им помочь и взялся не за ручки тачки, а встал в середину, и тут Настасья Ивановна даже удивилась: «Ты откуда знаешь, что Ваня всегда так тачку возил?» Всё это, конечно, мелочи, но для нашей актёрской работы такие мелочи крайне нужны.

В Краснодаре мы убедились, как хорошо скрывали молодогвардейцы свою работу даже от родных. Не только дети, но и Настасья Ивановна не подозревала о подпольной деятельности Вани. Замечала только, что он с товарищами как-то странно в шахматы играет... «Сидят они, бывало... Час — другой сидят. Приду погляжу, а у них фигуры — всё на месте. «Что это вы так

Все вы видели в фильме базарную площадь Краснодона. На ней молодогвардейцы повесили предателя Фомина, на ней они расклеивали свои листовки. А теперь поглядите, как выглядел один из рабочих моментов съёмки этой площади, когда картина только создавалась.

играете, Ваня? Шахматы-то не двигаете?» А он смеётся: «Это, мама, такая новая игра».

Коснусь ещё одной стороны нашей жизни в Краснодаре. Семьям молодоговардейцев мы обязаны не только сведениями о характерах и привычках героев: их дружеское, прямо родственное отношение нас ко многому обязывало. Живёшь в семье хорошего человека, все здесь знаешь: ты будешь изображать этого человека, — и хочется самому быть как можно лучше. Хо-

чется не обмануть ожиданий, оказаться достойным любви и доверия, какое тебе оказывают эти люди.

И вы, смотря этот фильм, тоже вспомните об этих людях: об отцах, матерях, сёстрах и братьях героев, — так тепло относившихся к нам, хотя мы ведь подчас невольно бередили их раны... Вспомните и помяните добрым словом.

*Борис Битюков, исполнитель роли
Ивана ЗЕМНУХОВА*

Образ большевика

Работу над образом Валько я, как ни странно, начал с бороды, то есть с того, что стал растить себе бороду. И пока она отрастала, я всё время волновался: подойдёт ли моя внешность к роли человека, который чуть ли не вдвое старше меня? Но вот Герасимов окинул меня критическим взглядом и записал в книжечке против моей фамилии одно слово: «Недурно». Если бы вы знали, как я обрадовался этому короткому слову!

Однако, пока росла борода, я думал не только о наружности Валько и не только выработывал походку и степенные манеры пожилого человека — привычки, от которых, кстати сказать, я до сих пор ещё не отделался. Я думал о самом главном, что есть в характере Валько, — о душевной сути его...

Какова роль Валько в фильме? Это человек, столь же беззаветно преданный Родине, как и молодые герои-краснодонцы, но человек, к тому же богатый жизненным опытом, мудрый и зоркий. Он представитель партии, партии, которая руководила и направляла все действия Олега Кошевого и его друзей, которая вдохновила их на подвиги, которая воспитала их такими, какими мы их знаем: отважными, честными, непоколебимыми. Лучшие черты представителя ленинско-сталинской партии воплощены в Валько, и это возлагало на меня, актёра, очень большую ответственность.

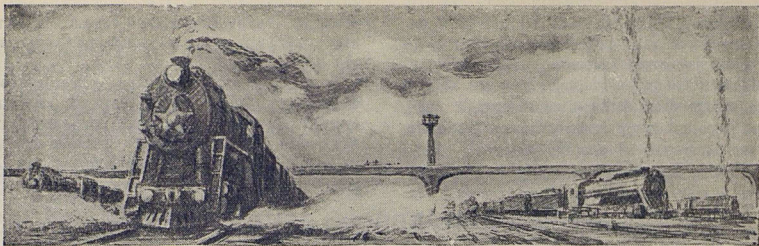
И тут мне особенно хочется подчеркнуть, что было для нас, молодых актёров, самым важным в работе над этим фильмом. Не приобретение ак-

тёрского опыта, не «игра»... Наш учитель С. А. Герасимов не раз говорил нам, что для исполнителей этих ролей самое важное — не техника: важно подойти к этой работе с чистым, открытым сердцем, с чистыми руками. «Будьте прежде всего людьми! — говорил он нам. — Будьте хорошими людьми». И мы старались быть хорошими людьми. Каждый из нас стремился найти в себе самое ценное, самое человечески хорошее: честность, бесстрашие, чувство товарищества, — укрепить в себе эти свойства, развить их. Ведь нам оказали такое доверие: нам поручили сыграть людей, чьи имена стали символом душевной красоты и благородства, — и стыдно нам было не оправдать этого доверия. И вот мы, обыкновенные люди, со всевозможными недостатками, непрерывно трудились над тем, чтобы заглушить в себе эти недостатки, стать чище, благороднее, строже к себе. И мне кажется, мы стали лучше.

И если этот фильм вызовет те же чувства, те же стремления у вас, юных зрителей, — значит, работа нашего учителя и всех нас не пропала даром. Цель, к которой мы стремились, достигнута.

*Сергей Бондарчук, исполнитель
роли ВАЛЬКО*

ИЗ ЛЕНИНГРАДА ИДУТ ПОЕЗДА...

Николай Григорьев

(Окончание)

Рис. Ив. Харкевич

КАТАНИЕ С ГОРКИ

олжно быть, это был весёлый железнодорожник, который придумал катать вагоны через «ослиную спину»...

«Ослиной спиной» он назвал земляной бугор, с которого круто сбегает пара рельсов. Впрочем, это забавное название продержалось недолго: железнодорожники заменили его более деловым — сортировочная горка.

Когда насыпали из земли горку, под этой горкой поселились башмачник. Была у него тут будка с печкой, всё как следует. Однако башмачник не стал делать башмаки, а пошёл к кузнецу. Кузнец отковал башмаки из железа и привинтил к ним чугунные каблуки.

Башмачник перетаскал обновки из кузницы на сортировочную горку.

Так появились на свете башмачники, которые не тачают сапог. Эти башмачники всегда на ветру, на солнцепёке, под дождём. Целыми днями они дежурят у подножия сортировочной горки. Когда вагон с грохотом и лягзом мчится вниз, он может повредить вагоны, которые уже скатились ранее и стоят под горой. Долго ли до столкновения!

Вот тут и вступает в дело башмачник. Движения его стремительны, он порхнёт под горой, как птица, к одному вагону, к другому, прыжок через рельсы, прыжок обратно... Чуть только вагон разбежася сверх меры, башмачник — рраз! — под колёса ему башмаки. Колесо, вскочив в башмак, сразу перестает вертеться, и вагон ползёт по рельсам, как сани. Медленно-медленно проползает он ещё несколько метров. Звякнули буфера — вагон встал на своё место.

А в это время через «ослиную спину» с горки уже мчится следующий вагон...

Дорожка через горку узкая, всего пара рельсов, вагоны сбегают оттуда один вслед другому, по очереди. Для чего же башмачнику целый магазин башмаков — двенадцать пар?

А вот для чего. Это только на горке одиночный путь, у самой её вершины. А затем путь начинает ветвиться, и чем ниже под горку, тем больше ветвей. Пока вагон сбегал с горки, ветвей уже стало двенадцать.

Каждая ветвь — это место сбора для вагонов-попучиков: путь номер один — «Баня», путь номер два — «На Сибирь» и так далее.

На каждый из двенадцати путей сбегает вагоны с горки. Следовательно, на каждом пути должен быть наготове хотя бы один башмак. Вот и дюжина!

Пришли под горку и стрелочники.

Двенадцать стрелочников встали к двенадцати стрелкам. У каждого медный рожек. Каждый, поглядывая на горку, принимает к себе вагоны.

Что же дудит стрелочник? А то, что положено по уставу. Пути под горкой перенумерованы, для всякого своя погудка. Скажем, переводится стрелка на седьмой путь — для большого вагона. Тогда стрелочник сыграет в рожек семёрку: длинный гудок и два коротких. А на двенадцатом пути стрелочник просигналил так: два длинных гудка и два коротких. Первый путь — короткий гудок, как бы точка; второй путь — две точки; третий — три точки; четвёртый — четыре. Короче сказать, правило такое: счёт до пяти — точки, цифра пять — тире, длинный гудок; счёт свыше пяти — тире с точками; десяток — два тире; счёт свыше десяти — два тире с точками и так далее.

Народ у стрелок подобрался бойкий, рожки роздали всем новые, свирепые, так что место на станции получилось шумное.

Но год от года сортировочная станция расширялась. Прибавлялись пути и под горкой. Вместо двенадцати путей стало двадцать, а потом и того больше.

Вот тут и пошла пуганища.

Как распоятся стрелочники в свои медные рожки, беда!.. Этот играет на двенадцатый путь или на двадцать четвёртый: тире — тире — тире — тире — точка — точка — точка — точка... Музыка не меньше, чем на полминуты, а тут уже пятый путь не может

ждать: у пятого у самого вагон на носу! И дуют двое стрелочников в два рожка — поди догадайся, что они играют!.. Хоть оставив работу на горке.

Так было в старые времена.

Сейчас другое.

Бугор торчит, как был. Славно когда-то придумали эту «ослиную спину», ничем лучшим её и не заменишь! Но пониже бугра, как раз против ската горы, поставлена башня. На башне стеклянная комната — она видна снаружи насквозь. Ясно, что и от человека, который в башне, здесь ничего не скроется...

Однако что это за странности на склоне горы? К земле прижалось что-то в огромной железной перчатке... Рука великана? Но ведь великанов на свете не бывает. Однако вот пальцы, на каждом — подушечки, какие бывают на пальцах живой руки... Что же это?

* * *

В стеклянной комнате на винтовом вертящемся стуле сидит железнодорожник. Это дежурный по горке. Он поглядывает сквозь прозрачную стену вправо и влево. Посмотрит он в одну сторону — там парк прибытия: вагоны, вагоны; серые кровли их, как чешуя. Посмотрит дежурный с башни в другую сторону — там не менее обширная площадь, вся в рельсах, как лист линованной бумаги: парк формирования. Когда-то, в старину, здесь было только двенадцать путей для сбора вагонов-попутчиков. Теперь этих путей столько, что и не перечисль. Но некоторые номера путей сохранились прежние. Путь номер один, как и раньше, — «Баня», путь номер два — «На Сибирь» и так далее.

Но под горкой, где встарь играл хор стрелочников, нет никого. Каждая стрелка перемещается с помощью моторчика. Для этого достаточно нажать кнопку на башне.

Сидит дежурный в стеклянной комнате. Руки его на чёрной матовой доске, удобной,

как парта. Это пульт управления. От прикосновения пальцев в разных местах пульта загораются огни — зелёные, жёлтые, красные, луно-белые, синие. А то вдруг дежурный так поведёт рукой, что, смотришь — и не остаётся на доске ничего, словно всю эту сверкающую роскошь он забрал себе в пригоршню...

Пульт погашен. В работе перерыв. На матовом поле остаётся только одинокий контрольный огонёк.

А внизу, под горкой, куда только что спущен по частям очередной поезд, на многочисленных путях, ещё гремит и лягают буферами расстроженные вагоны; проходит несколько минут, пока море вагонов перестает колышаться.

Дежурный в башне, глотнув чаю из стакана, возобновляет работу.

Из стеклянной комнаты хорошо видно, как из глубины парка прибывает на горку медленно, словно робея, вступает новый состав вагонов. Далеко, далеко, на противоположном конце состава, паровоз; он распустился в стороны седые усы с подушниками, как очень важный железнодорожник.

Вагоны словно увеличиваются в размерах: они всё ближе, ближе к «ослиной спине». Это бывший поезд номер 1111.

Дежурный строго взглядывает на приборы. Эти минуты, как перед боем: надо всё предусмотреть, ничего не упустить. Каждый вагон, который побежит сейчас с горки, заключает в себе миллионные богатства. Нередко бывает, что в вагоне судьба целого завода, фабрики, строящейся электрической станции. Разве можно допустить, чтобы вагоны под горкой стокнулись? Но и попридержат бегущий вагон тоже надо уметь, а то как перетряхнёшь его, что вместо ленинградского фарфора или ценных аппаратов останутся в вагоне черепки...

Если бы у вагонов была заведена своя «Книга жалоб и пожеланий», они, конечно, пожелали бы, чтобы на башне сидел товарищ Шариков. Рука у него не только лёгкая: она к вагону ласковая. За десять лет он спустил с горки миллионы вагонов; и не было случая, чтобы хоть один вагон получил увечья.

— Внимание!

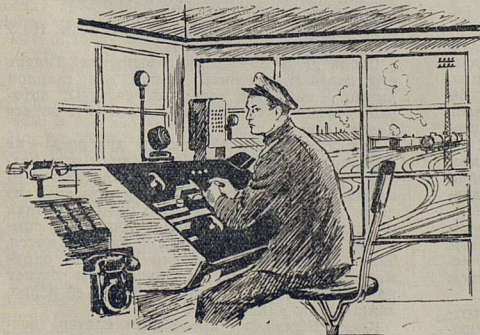
Сказано это обыкновенным голосом, но стеклянная комната вся вздрагивает, и стены поют, как от пушечного выстрела. Да так оно и есть. Это слово выстреливает в воздух разом десятки репродукторов. Команда из башни должна быть слышна и в гугме паровозных гудков, и в ветер, и в зимнюю выюгу.

— Все по местам!.. — гремит радио. — Распускай поезд!

И тут же Шариков добавляет уже не так громко:

— Компрессорная, качайте воздух.

Сразу где-то что-то начинает тикать, глухо, как под землёй. Словно застучало встревоженное сердце великана. В круглой плоской коробочке под стеклом (она рядом с часами, на виду у дежурного) вихрем взвизывает стрелка и останавливается, трепеща,

Это дежурный по горке.

у красной черты. Это манометр — указатель давления. Готов скажешь воздух!

Щёлкает кнопка под рукой дежурного — и красный огонёк на пульте гаснет, взамен вспыхивает зелёный. В ту же секунду мощными огнями начинают светить поезде световысофоры. «Разрешаю взойти на гору!» — вот что говорит этот сигнал. Паровоз отвечает на это протяжным гудком.

А около поезда уже хлопочут проворные люди.

Несколько рослых рабочих в рукавицах, со свистками в зубах, ныряют под буфера и расцепляют вагоны.

Дежурный в башне в последний раз меняет свет на пульте и на светофорах. Жёлтые огни: «Осторожно!»

Поезд совсем замедляет ход. Едва вращая колёсами, он вползает на гору...

— Второй путь... — громко, нарस्पев говорит Шариков, — четырёхосный гружёный... тяжёлый!

И в это самое мгновение словно голова отламывается у огромного состава. С грохотом устремляется вниз вагон с грузом — машина в семьдесят тонн...

Шариков вскакивает со стула. Руки его на центральных кнопках пульта. Эти кнопки, как рогатые головы, на них не поскользнётся палец. Вагон мчится мимо. Вот-вот он прорвётся в парк... Но тут дежурный сворачивает рога набок у одной кнопки, у другой.

Шипение, свист... Кажется, что это вздох облегчения из гигантской груди. Пыль срыгается с земли от этого вздоха, щебень прыгает по шпалам. И машина-вагон — куда девалась пруть! — вдруг замедляет бег, как бы погружаясь в резину.

А всего только сжались пальцы в железной перчатке... Что такое для великана катящийся вагон? Он прихватил колесо вагона, как медный пяточок!

Потом ещё отламываются от состава вагоны, ещё.

Но вот команда с башни:
— Внимание! Сверхтяжёлый груз!

Сегодня завод «Электросила» выставил на сортировочную гигантских размеров кольцо. Это часть какой-то машины. Кольцо обстругано дощатым забором и вместе с забором поставлено ребром на платформу вагона.

Обыкновенный вагон, конечно, не выдержал бы такого груза. Колёсные оси вагона в ту же секунду изогнулись бы, как ошпаренные кипятком макароны, лопнули бы под полом хребтовые балки — и весь вагон рассыпался бы на куски. Нет, это совсем особенный вагон. Сделано седло — массивное, великом из стали. В это седло и посажен громоздкий пассажир. И едет седло по железной дороге не на четырёх, не на восьми, а на двадцати четырёх колёсах.

Транспортёр на горе... Вот первая пара колёс переступила бугор, вторая пара, третья, четвёртая, пятая... Вот транспортёр на секунду уравнивается на бугре и затем медленно начинает клониться под гору...

Сцепщики к транспортёру не подступают. Транспортёр идёт вниз вместе с паровозом.

Паровоз упирается что есть мочи, колёса

его визжат под колодками тормозов, он не даёт транспортёру разбежаться с горы... В это же самое время великаны через железные перчатки сжимают двадцать четыре колеса вагона, и транспортёр наконец благополучно спускается с горы.

А на осведомившуюся горку уже двигается для роспуска новый состав вагонов.

СОСТАВИТЕЛЬ ДЕЛАЕТ ПОЕЗДА

оставители поездов — люди почтенные, иные ещё со старинной службы. Комсомолец Костя Воробьёв был среди них юнцом. Но в компанию его приняли ровней: молодой, но тоже составитель.

Косте Воробьёву удалась работа на транспорте. Пришёл он сюда чернорабочим. Поработал недолгое время стрелочником.

Вскоре смышлёного парня повысили в должности: поставили сцепщиком. Начал Костя сцеплять и расцеплять вагоны. Заслужил он и здесь похвалу. Сказал начальник: «Довольно тебе, Воробьёв, быть рядовым. Пора становиться командиром на транспорте». Костю послали на курсы, и сдал он экзамен на составителя поездов.

Прежде что было у Кости в руках? Свисток, флажки да рукавицы — только и всего. А теперь, глядит Костя, подкатил к нему горячий паровоз. Машинист в будке взял под козырёк: «Здравствуйте, начальник, прибыли в ваше распоряжение!». С паровоза сошли сцепщик и стрелочник.

Это составительская бригада. Костя — командир.

Сперва не ахти какой был паровоз: серия ОВ — «Овечка». По машине и работа. Костя и оба его помощника повисли гроздьями на подножках паровоза, и пошла «Овечка» колесить по станции. Больше шарилы по закоулкам, выгоняла на белый свет застоявшиеся вагоны. Костю с его «Овечкой» знали всюду: и на промывочной, где вагоны выходят из бани, и «на льдах», где вагоны-ледники снабжаются холодом, и на ремонтных путях, где всякий большой вагон опять становится молотком.

Мелочные дела — самые хлопотливые. Но у Кости ладилось и в мелочах.

Снова дали Воробьёву повышение. Теперь его послали готовить поезда для главной линии — тяжёлые товарные составы, которые уходят с изделиями Ленинграда во все концы страны.

Тут уже «Овечка» — как ни храбрись! — не гуляла в работники. Её оставили при малых хлопотных делах, а составителя 1-го класса Константину Воробьёву послали из депо паровоз серии «Э». Это очень крупная и сильная машина; чёрная глянцеваея спина её возвышается над вагонами, и кажется, будто машина из опасения напугать окружающих своим настоящим ростом бегаёт на четвереньках. Хорошая машина, ей и прозвище дали: «Эх, хорошо!».

Костя Воробьёв — первейший мастер своего дела.

Разные есть мастера. Каменщик кладёт

кирпичи, и у него получается дом: столая из напильных кусков дерева сколачивает табуретку, стол или шкаф. А материал для составителя — вагоны, и он должен сделать из них поезд.

Работает составитель в парке формирования. Это огромная железнодорожная площадь, а ходить тесно: всё заставлено вагонами, тут и там сквозят лишь узкие переулочки. Вагоны самые разнообразные: гружёные и порожняк, тормозные и без тормозов, двухосные и четырёхосные...

Какже же вагоны брать? Как составить поезд?

В парке формирования вагоны стоят по адресам, диспетчер скажет:

— Сформировать товарный на Москву!

И составитель уже знает, что все необходимые ему вагоны он найдёт на двадцатом пути. Туда он и отправляется со своим паровозом «Эх, хорошо!»

Но мало вытянуть с двадцатого пути полсотни вагонов. Это ещё не поезд, это только пятьдесят вагонов. «Это не шкаф, — сказал бы столая, — это ещё только брусочки для шкафа!»

Чтобы превратить пятьдесят вагонов в поезд, требуется рука мастера.

Тысячи и десятки тысяч километров прохдит иной поезд, отправляясь из Ленинграда. А в дальнем пути всякое может случиться: вдруг лопнет от мороза рельс, или горный поток размоет насыпь, или на переезде застрянет с возом неловкий кохозник... В ту же минуту машинист должен остановить крайний поезд.

И не будь на свете составителей, с поездом произошло бы страшное несчастье: хвост поезда одним ударом сокрушил бы и паровоз и вагоны...

Каждый знает, как трудно устоять в трамвае при внезапной остановке: пассажиры валяются друг на друга. То же происходит с вагонами в поезде. Задние вагоны толпой налегают на передние, и чем длиннее поезд, тем больше у вагонов разбег. Хвостовые вагоны иной раз делают прыжок в десятке метров. Представляете удар? Это всё равно, что по поезду грохнет гигантский молот. Да тут и щепок не соберёшь!

Вот почему составитель, прежде чем приступить к делу, обдумывает план будущего поезда. Мало взять пятьдесят вагонов, — надо эти вагоны правильно расставить в поезде: один вагон поменять местом с другим вагоном и так далее.

Но на пути, где накапливаются вагоны, тесно, тут не сделаешь перестановку вагонов.

У столая и у всякого мастера есть верстак. Верстак для работы есть и у составителя. Это особый путь, куда с любого места парка можно вытягивать паровозом вагоны. Путь этот называется «вытяжка»; на «вытяжке» составитель и собирает в нужном порядке поезд.

В голове поезда встанут, конечно, вагоны с автосцепкой. Это самые надёжные вагоны: они не болаются в поезде, этого не допускает автосцепка, они не оторвутся один от другого, — а вагоны старинного устройства, то есть такие, у которых крюк да петля, встанут в хвост поезда.

Распределит вагоны составитель, да и видит: а ведь получится неладно! Вагон, набитый ватой, угадал рядом с вагоном, где спички; цистерна бензина — а по одну сторону от неё вагон с досками, по другую — с морскими смолеными канатами... Не годятся в дороге такие соседи: случись что — поезд сорвётся, как костёр. Значит, надо сделать перестановку. И составитель разделяет опасных соседей такими грузами, по которым огонь не побегит: он ставит в прослойку вагоны с камнем, цементом, железными балками, проволокой, набирая эти грузы, конечно, на том же двадцатом пути.

Так мастерит поезд составитель. Однако всё это — ещё не главное.

Главное вот в чём. Надо сделать так, чтобы поезд не уподоблялся скорпиону, который убивает себя своим собственным хвостом!

Представьте картину: мчится огромный длинный тяжёлый товарный поезд. Препятствие. Машинист за кран — и весь поезд останавливается: хвост замирает на своём месте, голова поезда — на своём... Вагоны перестали походить на пассажиров в трамвае. Можно так устроить?

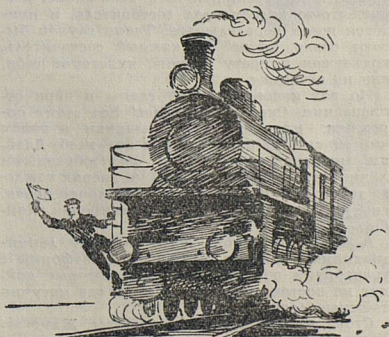
Можно. У составителя есть гвозди, которые прибивают весь поезд к рельсам. Это тормозные вагоны.

Тормозной вагон виден сразу. Каждое колесо с чугунными колодками по сторонам, будто рожкида с оттопыренными ушами. Как только спустишь из цилиндра сжатый воздух — слышали в дороге шипение под вагоном? — сразу же оттопыренные колодки прижимаются к ободу колеса, и вагон замедляет ход или вовсе останавливается.

Тормоз действует от крана машиниста на паровозе: но на всякий случай в поезде есть и другие стопкраны.

Сколько же надо поставить тормозных вагонов, чтобы они могли остановить огромный товарный поезд, как бы пригвоздить его к месту?

Оказывается, совсем немного. Силища у автоматического воздушного тормоза громадная. Упрётся тормозной вагон на рельсах

Составитель поездов на манёврах.

козаликом — и останавливает восемь вагонов, бегущих за его спиной.

Отсюда расчёт: на каждые восемь вагонов в поезде должен быть один тормозной.

Тормозные вагоны очень важны: от них зависит жизнь поезда в пути. Недаром тормоза чинит, налаживает и проверяет команда слесарей с таким славным, боевым названием: «автоматчики».

ГЛАВНЫЙ

На фабрике, на заводе устраивают склад готовых изделий. Этот склад обычно у выходных ворот. Точно так же и на сортировочной: здесь есть склад готовых поездов. Железнодорожники называют этот склад «Парк отправления».

Составитель съедёт сюда приготовленный поезд.

Происходит это так. Когда паровоз «Эх, хорошо!» натаскает на вытяжку необходимое количество вагонов и расставит их в нужном порядке на соответствующем пути, составитель сообщает об этом «Ивану».

Пост «Иван» — это рослый, двухэтажный молодой, хозяин парка формирования. Здесь самое оживлённое место на станции. Одновременно здесь работает несколько составителей, и паровозы «Эх, хорошо!» то ходят взад-вперёд по своим вытяжкам, то перебегают по стрелочным улицам из одной части парка в другую. Всё это требует строгого порядка, и пост «Иван» регулирует уличное движение. Пока сигнализатор с высокого балочника не сделает знак флажком и не продует, что полагается, в медную дудку, паровоз не имеет права перебежать улицу.

Но вот поезд сделан. Составитель должен показать «Ивану» своё изделие.

С поста выходит на рельсы молчаливый человек и останавливается, заложив руки за спину.

Если молчаливый человек пропустит мимо себя весь поезд, не вынет руки из-за спины, значит, всё в порядке; если же он сделает рукой хотя бы небольшой знак, дело плохо: значит, что-то недосмотрел составитель, и придётся поезд переделывать. Такие случаи бывают редко, но всё же каждый составитель, подъезжая к посту «Иван», чувствует себя, как на экзамене.

Но вот наконец поезда сланы в парк отправления. Сколько их здесь! Вот стоит порожняк: мрачноватые угольщики, а рядом чистенькие, из бани, вагоны под хлеб. Дальше шеренги вагонов с разнообразными ленинградскими изделиями, на дверях каждого такого вагона торчат на проволочке новая, ещё не успевшая потускнеть свинцовая лампа.

А вот и тракторы, изготовленные ленинградцами в помощь лесорубам. Платформы с тракторами попали в составы, которые пойдут на восток, на север — туда, где могучие таёжные леса.

Стоят железнодорожные составы. Ждут отправления. Но и в эти последние минуты возле них ещё хлопочут железнодорожники.

Вот из конца в конец состава шагает с мо-

лотком осмотрщик. Следом идёт смазчик: побрякивая длинноносой маслёнкой, он заправляет в дорогу бусы вагонов Артель рабочих запакивает двери у порожняка, чтобы в пути в этих вагонах не озорничал ветер. Женщина с ведёрком воды и кистью смыывает на стенках вагонов все меловые пометки и надписи.

Шестие замыкают «автоматчики». На этот раз они выходят к составу с резиновым шангом. Один конец шанга «автоматчик» приключает к колонке, другой — к составу вагонов. Колонка стоит на земае, возде рельсов, и похожа на водопроводную, только из неё течёт не вода, а сжатый воздух. Сжатый воздух, распространяясь под вагонами по трубе, наполняет все тормозные приборы.

Но вот и хозяева поезда. Если дело зимой, они в тулупах до пят, как бояре. А сколько на каждом доспехов!

Прежде, в царское время, было так. Кондуктор — хозяин поезда — ташил на себе двухпудовую бухту верёвки. Свалив бухту наземь, он привязывал конец верёвки к гудку паровоза. После этого набрасывал верёвку на крюки под крышами вагонов. Так, шаг за шагом, он доходил до конца поезда и там, на крюке у хвостового вагона, затягивал крепкий узел.

Случалось, рассыпается в дороге груз или задымит от неисправности буса вагона, кондуктор что есть мочи тянул верёвку, и свисток паровоза ревел.

Теперь об этой верёвке помнят только старики. У нас всюду во всех поездах автотормоза. Повернёт кондуктор стопкран — и поезд останавливается вместе с паровозом.

Но верёвка — не всё. Кондуктор ташил к поезду огромный, как собачья будка, фонарь.

Фонари в дороге необходимы. По правилам, на хвосте поезда и сейчас светят три красных фонаря: два — сверху по сторонам, как серьги, третий, большой, — у буфера.

Красный огонь на буфере — очень важный сигнал. Огонь должен быть яркий, сильный, чтобы поезд, идущий сзади, заприметив такой сигнал, имел возможность вовремя остановиться. А в прежние времена, когда воздушных тормозов не было, тормозили вручную — поезд

катился по инерции больше километра, пока его удавалось наконец остановить. Отсюда возникло требование: буферный фонарь должен быть виден за 1200 метров. Но инженеры-железнодорожники в старое время были важные господа, фонарями они не интересовались, а кондукторы рассудили так: «Чем больше фонарь, тем дальше посветит». И, по своему разумению, соорудили такой фонарь, что в него вместо керосиновой лампы свободно можно было посадить цепного барбоса.

Кондуктор в полном зимнем снаряжении.

Теперь тоже вешают на буфер красный фонарь. Но посмотрите: он совсем небольшой, а огонёк у него столь острый, что сигнал виден за два километра. Это потому, что над фонарём потрудились советские инженеры. Вместо громадного красного оконного стекла они поставили фигурное стёклышко — линзу. И неуклюжая будка превратилась в лёгкий, простой и надёжный фонарь.

Главный кондуктор — хозяин товарного поезда. Его называют уважительно: «Главный», «Товарищ главный».

Место его — в голове поезда, поближе к машинисту. С машинистом у него постоянные дела. Если машинист —водитель, то главный — как бы капитан и штурман поезда: с часами, с расписанием, с маршрутом в руках он следит, чтобы машинист выдерживал ход, и сам экономит каждую минуту, проворно выполняя свои дела на популярных станциях и не позволяя никому задерживать поезд.

В то же время главный отвечает перед государством за все грузы, за все богатства, которые он везёт в поезде. Вот почему прежде чем расписаться «Поезд принят», кондуктор осматривает каждый вагон: и в стеночку постучит, и пломбу ощупает, и на крышу слазит, и под вагон... Словом, хозяин, как хозяин!

Главный — в голове поезда. Его помощник, хвостовой, устраивается на площадке последнего вагона. У хвостового под рукой, как и у главного, стопкран.

Однако служба хвостового — прежде всего служба сигнальная.

Случается, что следом идёт второй поезд. Тогда хвостовой кондуктор развёртывает жёлтый флажок и крепит его к верхнему боковому фонарю. Это знак для путевой стражи: «Внимание, за мной ещё поезда!»

Бывает в дороге и так: двинулся поезд вперёд головой, потом пошёл вперёд хвостом. Тут хвостовой кондуктор немедленно все три красных огня меняет на белые: ведь хвост стал головой, — значит, его и осветить надо наподобие паровоза, а паровоз несёт всегда три белых огня.

Наоборот, с паровозом, который теперь толкает поезд перед собой, происходит обратное превращение: паровоз ставит себе на хвосте красные огни. Впрочем, паровозу льготы: с него не спрашивают трёх красных огней, достаточно одного, буферного.

Сигналов на железной дороге многое множество, все они занесены в особую книжку. Кондуктор знает сигналы назубок.

Фонари, флаги... В доспехах кондуктора есть ещё сумка со свечами. Только свечи особенные — «факел-свечи». Это картонные трубки, наполненные пиротехническим составом. Если снять с трубки крышечку и чиркнуть ею по оголившемуся торцу, свеча вспыхивает бурным багровым пламенем.

Представьте случай. Вынужденная остановка на перегоне, в поле. Дело ночью, в непогоду, может быть, на крутом повороте в горах, в лесу. И вдруг из-за поворота выскочит ещё поезд. Ясно, произойдёт крушение!

Чтобы такого не случилось, кондуктор поезда, вставшего на перегоне, зажигает «факел-свечу» и втыкает её в песок возле рельсов. «Факел-свеча» не боится непогоды: она горит и в дождь и в снег.

Уж этот-то огненный флажок заметит машинист!

А вдруг не заметит?.. Представьте, что в эту самую минуту, как показались на рельсах горящей факел, случилась бы катастрофа: кто-нибудь на паровозе. Отвлёкся на минуту машинист. Что же тогда... Неужели крушение?

Нет. На рельсах оложены петарды — три петарды в шахматном порядке. Это маленькие жестяные коробочки, которые цепко держатся лапками за головку рельса. Раздавленные колёсами паровоза, петарды дадут три оглушительных взрыв...

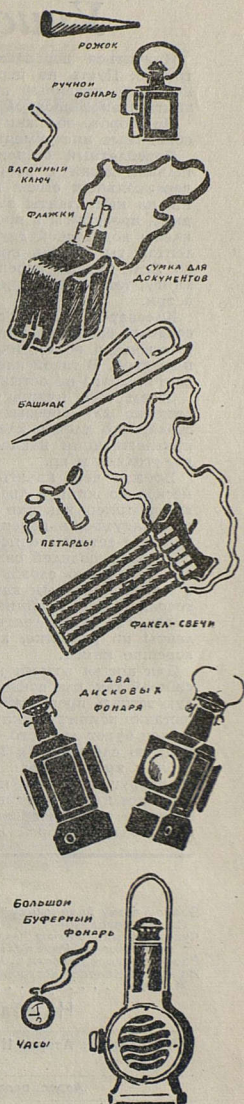
Не увидел машинист, так услышит, что надо остановиться!

Вот как вооружён кондуктор. Вот как он оберегает свой поезд от опасностей в пути!

Парк отправления товарных поездов. Красные, чёрные, белые, серые в маслянистых пятнах, гружёные и порожние стоят составы. Это почти поезда, но ещё не поезда. Состав вагонов — туловище, к которому ещё надо приставить голову. Линейный паровоз — вот что преобразует безжизненный состав вагонов в поезд, в живое существо, которое уже не может оставаться на месте, которое мчится и мчится вперёд.

Линейный паровоз! О, это — совсем не то, что прочие паровозы! Паровозы маневровые, горочные, гонолки, паровозы-самовары при вагонных банях — все они век толкутся на станции, не показывая носа за семафор. Дел у каждого полно, но всё это заботы лишь о том, чтобы приготовить поезд.

А возглавит поезд другой: его поведёт в дорогу великий путешественник — линейный паровоз.

Вот что берёт с собой кондуктор в дорогу.

Учись переплетать книги

Научиться переплетать книги не очень трудно. Пусть на первых порах получится не очень красивый переплёт, но зато твоя книга станет прочной и «выносливой».

На обороте обложки нарисованы самые необходимые инструменты для работы.

Переплётный станок состоит из горизонтальной доски с прорезью для лент, двух вертикальных стоек и круглой перекалдины на них. Ленты закреплены на перекалдине, проднуты в прорезь и ещё раз закреплены под доской двумя палочками. К этим лентам ты будешь пришивать тетради книги. Если будешь переплетать очень большую книгу, таких лент придётся натянуть не две, а три.

Клееварку можно сделать из двух консервных банок, во внешней — широкой — кипит вода, а во внутренней варится столярный клей. В такой клееварке клей не пригорает и долго не остывает.

Затем тебе нужны будут нож, железная линейка для обрезывания книг, кисть для столярного клея и клейстера и косточка для приглаживания наклеенной бумаги, корешка, уголков и пр.

Прежде чем начать переплетать, возьми несколько книг с твёрдыми переплётными и присмотришь, как они сделаны. Книгу, которую задумался переплетать, разбери на отдельные тетради, очисти их корешки от старого клея, подклей разорванные листы, а затем аккуратно сложи все тетради в стопку и наметь цветным карандашом на корешке тетрадей две крайние линии сшивания и места, где будут ленты, и натяни на станке ленты по разметке, которую ты сделала на корешке книги.

Для шитья возьми крепкую нитку. Книгу сшивай так, как показано на рис. 1 и 2. Первую тетрадь прошивай с правого края внутрь (оставив кончик нитки в 5–7 сантиметров, он нужен будет для того, чтобы связать эту тетрадь со следующей). Затем выведи нитку на себя у правого края первой ленты, обведи её вокруг ленты и, не прокалывая ленты, проточи нитку внутрь с левого края ленты. Изнутри тетради обведи нить таким же образом вокруг второй ленты и выведи её в

крайнюю левую пометку карандашом. После этого положи на первую тетрадь вторую и проколи её в крайней левой карандашной пометке. Здесь закрепляющего узелка делать не нужно, но когда по второй тетрадке обойдёшь ниткой обе ленты до правого крайнего прокола, то не переходи к третьей тетради, пока не свяжешь первую и вторую тетрадки скрепляющим узелком.

Все последующие тетради сшивай таким же образом и не забывай делать закрепляющих узелков, показанных на рис. 2.

Закончив сшивание, освободи ленты с верхней перекалдины и под доской станка, сдвинь тетради на лентях плотнее и обрежь ленты с обеих сторон корешка так, чтобы оставались свободные концы длиной в 4–5 сантиметров.

Обложку книгу сверху и снизу бумагой, придави какой-нибудь тяжестью и проклей корешок книги столярным клеем. Когда корешок просохнет, обрежь книгу (рис. 3). Определи заранее линию обреза, чтобы не захватить текста.

Если книга толстая, можешь сделать корешок выпуклым. Делается это лёгким постукиванием молотка по корешку книги (рис. 4). После этого смажь его снова столярным клеем и закрой полоской бумаги.

Приклей картонную корку к ленточкам (не забудь при намазывании лент клеем подложить под них лист бумаги, чтобы не испачкать книгу). Картонную корку бери на 3–4 миллиметра шире обреза книги. Между коркой книги и краем корешка оставь зазор в 4–5 миллиметров (рис. 5).

К картонной корке приклей корешок переплётки и уголки из крепкой материи. Обрати внимание на то, как следует загнуть края корешка и уголков под корку книги (рис. 6).

Для обклеивания корки книги (рис. 7) выбери красивую прочную бумагу. Наклеивай её не столярным клеем, а клейстером, чтобы картон не покоребился.

На рис. 8 показано, как приклеить форзац — чистый или цветной лист. Он прикроет на корке ленточки, загнутые края корешка и уголков.

СОДЕРЖАНИЕ

Всесоюзному Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодёжи	1 стр.	Наука о вещах и явлениях.— Д. П. Борисов . . .	16 стр.
Кусок пирога.— Рагская Ивана Багмута. Перевела с украинского Е. Росселис. Рис. И. Обрыков . . .	3 . . .	Зелёная стража.— Константин Паустовский . . .	21 . . .
Разные голоса.— Стихи С. Маршака. Рис. А. Брел	7 . . .	Наша почта	24 . . .
Из жизни Николая Островского.— Н. Венгров. М. Эфрос	11 . . .	„Молодая гвардия“	27 . . .
		Из Ленинграда идут повзды.— Николай Григорьев. Рис. И. Харкевича	34 . . .
		Учись переплетать книги.	40 . . .

На обложке: рисунок Н. Кашиной „Снежная крепость“

Редакция: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 10/ХІІ—48 г. Изд. № 942. 82×110. 1/4 бум. листа.

А — 10779. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж — 58 000. Заказ 2177.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Вниманию юных филателистов
В ближайшее время поступит в продажу

КАТАЛОГ ПОЧТОВЫХ МАРОК СССР

ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКАЯ КОНТОРА КОГИЗ
Москва · 1948

Каталог включает все почтовые эмиссии РСФСР и СССР, выпущенные с 1921 г. по 1948 г., а также марки прежних выпусков, бывшие в почтовом обращении в 1918—1921 г.г.

Каталог представляет собою не только справочник по выпускам почтовых марок СССР (с ценами), но позволяет по описанным изображениям на марках также знакомиться со славной историей нашей великой Родины.

КАТАЛОГ ПОЧТОВЫХ МАРОК СССР ТРЕБУЙТЕ В МАГАЗИНАХ КОГИЗ

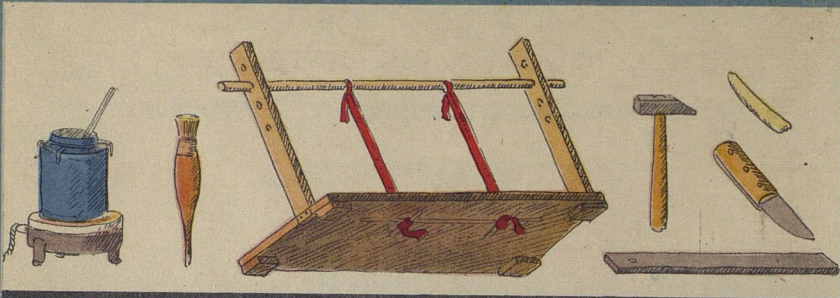
Специализированные
филателистические
магазины:

МОГИЗ № 63 — Москва, Кузнецкий мост, 20,
ЛЕНОКОГИЗ — Ленинград, Невский проспект, 78

принимают заказы на высылку каталога по почте.

Эти же магазины принимают к исполнению иногородние заказы на МАРКИ для КОЛЛЕКЦИЙ и НАКЛЕЙКИ для МАРОК.

Филателистическая контора КОГИЗ

УЧИСЬ ПЕРЕПЛЕТАТЬ КНИГИ

